

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**САМАРКАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АЛИШЕРА НАВОИ**

На правах рукописи

ШАХАЛИЛОВА ЛОЛА ДАВЛЯТОВНА

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII ВЕКА**

Специальность: 5А 220 203- Всеобщая история

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Для получения степени магистра «Истории»

Работа просмотрена и рекомендована к защите

Научный руководитель:

доц. Туракулов Б.Т.

**Заведующий кафедрой Всеобщей
истории**

доц. Хошимова М.М.

М.П.

САМАРКАНД - 2012

Содержание

Введение.....	3-9
Глава I. Истоки изучения Французской революции XVIII века в России.....	10-43
I.1. Из истории изучения Великой Французской революции XVIII века в России.....	10-16
I.2. Юбилейные издания к 200-летию Французской революции XVIII века.: дискуссии и споры советских историков.....	17-30
I.3. «Смена вех» в пост-советской историографии Французской революции XVIII века.....	31-43
Глава II. Российская историография Французской революции XVIII века в 90-е годы XX века и в начале XXI века.....	44-84
II.1. Новые парадигмы и исследования Французской революции XVIII века.....	44-59
II.2. На руинах памяти: о новейших российских изданиях по истории Французской революции XVIII века.....	60-72
II.3. Французская революция во взглядах А.В. Чудинова.....	73-84
Заключение.....	85-90
Приложение.....	91
Список использованных литератур.....	92-93

Введение.

За годы независимости проведена и проводится широкомасштабная работа в сфере истории. История, нынешнее и будущее поколение никогда не забудут, сколько миллионов людей в течение всего исторического развития общества боролись за свободу, равноправие, справедливость и независимость. Особенность работы историков заключается в том, чтобы вернуть историческую правду, утвердить объективный подход к освещению событий прошлого. Как не раз повторял наш Президент Республики Узбекистан И.Каримов, без исторической памяти нет будущего: « Не возродив историческую справедливость, невозможно построить справедливое общество»¹ В этом смысле задача, которую ставит глава государства И.Каримов перед учеными, представителями науки, требует от каждого более широкого и ответственного подхода к этому вопросу.

Уважение, почитание памяти нынешним поколением великих предков, сражавшихся за свободу, справедливость и процветание общества, является обязанностью, человеческим долгом каждого из нас. Символом борьбы таких ценностей является в истории человека Французская революция 1789 года.

Французская революция конца XVIII века принадлежит к числу наиболее крупных событий не только в истории Франции, но и во всемирной истории. В бывшем Союзе эту революцию называли Великой, которая завершилась установлением новых буржуазно-демократических отношений во Франции, положив тем самым начало перехода от феодализма к капитализму, почти во всей Европе.

История Французской революции XVIII века давно уже привлекало и продолжает привлекать внимание российских исследователей. Хорошо

1.И.Каримов. За процветание Родины – каждый из нас в ответе. Т.,2001.Соб. соч.Т.9. стр.

известно, что существовавшая в прошлом унификация трактовок Французской революции была связана не только с идеологизированностью исторической науки, но и тем, что данная тема неизменно оставалась в России

актуальной.

После распада Советского Союза в 1991 году в российской историографии Французской революции XVIII века в полной мере проявляются характерные черты: на смену жесткой идеологизированной историографии пришел плюрализм взглядов и мнений. Основным фактором, определяющим его особенности, стали экономические, политические и идеологические изменения, произошедшие в конце XX века в России. Именно в этот период, то есть в период отторжения от советских ценностей в историографии не редко именуется в исторической литературе «сменой вех». Вся история Французской революции была пересмотрена и реинтерпретирована в соответствии с новыми системами ценностей.

Целью моей диссертационной работы является уделить особое внимание последним научным достижениям, работам, концепциям российских историков, посвятивших свои исследования истории Французской революции XVIII века. Внимательно рассмотреть не только новые мышления и парадигмы последних лет, но и попытаться сопоставить их с отжившей себя советской историографией. Выявить те вопросы и проблемы, которые остро выдвигаются на обсуждения, споры, дискуссии среди ученых и историков, являющиеся наиболее актуальными и нерешенными в современной историографии.

Именно стремление современных российских историков к обновлению историографии Французской революции, критика советского прошлого явилось необходимостью в новом осмыслении целого ряда проблем в поисках новых подходов, модернизации проблематики, пересмотр некоторых схем истории Французской революции. Споры, дискуссии, которые еще далеки от завершения, демонстрируют, что современная историография находится еще в стадии становления. Российские историки в настоящее время пока не предложили взамен столь же ценную и всеобъемлющую интерпретацию революционных событий конца XVIII века во Франции.

В настоящее время, наряду с поступательными движениями современных исторических исследований в России, продолжают сохраняться

и советская концепция истории Французской революции, в которой отражаются накопленные положительные исторические знания, но одновременно и растущее понимание реальных исторических проблем современной историографии. Поэтому, данная работа считается актуальной темой не только в России, но и в других государствах СНГ.

Новизна моей научной работы заключается в том, что настоящая работа – эта первая попытка научного обобщения историографии Французской революции Новейшего Времени в России, раскрывающая историю формирования этой науки, ее дальнейшее развитие в период научного кризиса в историографии, последствия и изменения методов исследования российскими историками истории Французской революции. Предлагаемая мною работа является первым опытом систематического изложения нового понимания российской историографии, в центре внимания которого объективно находятся происходившие в Новейшее время существенные процессы изучения и исследования истории Французской революции. Стремление выявить отличительные особенности методов исследования между различными направлениями: «русской школы», советской и современной историографии. С этих позиций, моя научная работа изучает теоретические идеи и методологические принципы исторического познания, присущие каждому направлению, то есть каждой российской историографии, в определенный исторический период. Мною рассматривается не только прогресс методики исторических исследований истории Французской революции, но и делается анализ их исторической базы, освещаются совершенствование организационных форм исторических исследований. В период работы мною были изучены те научные труды, которые спустя несколько десятилетий, несмотря на смену идеологий, систем ценностей не потеряли свою значимость, и по сей день являются уникальными работами, заслуживающий отдельного внимания.

Важнейшая задача данной диссертации является выяснить научно-исследовательскую основу современной российской историографии Французской революции XVIII века, определить ее основные тенденции и

направления, равно как само содержание и тематику исторических исследований современного периода.

К основным задачам изучения современной российской историографии относятся:

1. Изучение теоретических и методологических принципов исторического познания, присущих каждой современной исторической школе;
2. Прослеживание проблематики исторических исследований, изучение и объяснение того, какие проблемы ставятся в историографии истории Французской революции и почему растет интерес современных историков всего мира к данной проблеме.
3. Изучение методики исторического исследования, совокупности приемов, анализа, истолкования и использования источников историками в различных направлениях и выявления связи между методологией и методикой исторического исследования.

Данная диссертация состоит из Введения, двух глав, заключения и списка литератур.

Первая глава моей диссертационной работы « **Истоки изучения Французской революции XVIII века в России** », раскрывает теоретические вопросы научно-исследовательской работы, даются информации и краткие изложения по выбранному объекту.

Она состоит из трех параграфов:

1. Из истории изучения Великой Французской революции XVIII века в России.
2. Юбилейные издания к 200-летию Французской революции XVIII века: дискуссии и споры советских историков.
3. «Смена вех» в пост - советской историографии Французской революции XVIII века.

Первый параграф «Из истории изучения Великой Французской революции XVIII века в России» раскрывает историю формирования советской историографии. Эта обязывает меня коснуться в той или иной мере исторические концепции различных российских историков из « русской

школы», заложившую основу дальнейшему развитию исторической науки в России. Завершается этот параграф историографией пост - советского периода.

Второй параграф «Юбилейные издания 200-летию Французской революции XVIII века: дискуссии и споры» отражает анализ научных работ, изданные в 1989 году,¹ где обнаруживаются значимые новые явления. Они стали предметом пристального интереса советских ученых и вызвали отклик с их стороны. Это время, год 200-летнего юбилея Французской революции XVIII века, характеризуется «реинтерпретаторской моделью» Французской революции, спорам и дискуссиям об ее историческом содержании. Одним из таких крупных научных работ этого периода является альманах «Великая Французская революция и Россия», под редакцией А.В.Адо и В.Г.Сироткина. Эта книга о международном значении Французской революции, о ее влияние на политическую, экономическую и культурную жизнь России конца XVIII века и начало XIX веков, о том, какое отражение нашли события революции в общественной мысли России в русской и советской исторической науки.

Третий параграф «Смена вех» в пост - советской историографии Французской революции XVIII века» раскрывает исторические мысли

1. Под ред.: А.В Адо. Великая Французская революция и Россия. М.,1989 г.

В.Г. Ревуненков Очерки по истории Великой Французской революции. М.,1989 г.

Э.Е.Гусейнов и др.Буржуазия и Великая Французская революция. М.,1989 г.

современных российских историков об изменений парадигмы в изучении Французской революции XVIII века. Пожалуй, единственными, кто дал объяснения причин историографического поворота стали историки А.В.Чудинов и В.П.Смирнов.¹Этот период стремительного крушения советской интерпретации идеологически значимых и приоритетных отраслей исторической науки. Поэтому российские историки именуют это время «

сменой веков».

Вторая глава диссертации **«Российская историография Французской революции XVIII века в конце 90-х годов XX века и в начале XXI века»** состоит из трех параграфов:

1. Новые парадигмы и исследования Французской революции XVIII века.
2. На руинах памяти: о новейших российских изданиях по истории Французской революции XVIII века.
3. Французская революция во взглядах А.В.Чудинова.

Первый параграф «Новые парадигмы и исследования Французской революции XVIII века» характеризуется плюрализмом взглядов и мнений по поводу истории Французской революции с проявлением ярко выраженных черт «критического направления».² Стремление историков к терминологической определенности, дискуссии о корректности и смысле таких ключевых понятий, как «феодализм», «абсолютизм», «буржуазия». Именно этим острым проблемам и вопросам посвящен данный параграф.

Второй параграф «На руинах памяти: о новейших российских изданиях по истории Французской революции XVIII века» анализирует работы современных российских историков последних лет, которые сами по себе служат убедительным опровержением многих из тех стереотипных

1. А.В. Чудинов Смена веков: 200-летие революции и российская историография. - Французский ежегодник.

2000. М., 2001г. В.П.Смирнов Две жизни одного издания. – Новая и новейшая история. М., 2002г. № 3.

2. Материалы «круглого стола». См.: Новая и новейшая история. М., 1996г. №5.

«Круглый стол». Французская революция XVIII века и Буржуазия. Новая и новейшая история.

М., 2002г. № 1.

характеристик советской историографии, которые бытовали в бывшем Союзе.¹

Третий параграф « Французская революция во взглядах А.В. Чудинова» посвящен проблемам разрушения историографических мифов Французской революции российскими историками.² Даются итоги исследовательских результатов по изучению истории Французской революции.

Данная проблема была изучена и изучается в настоящее время со стороны ученых всего мира, вместе с тем они стали обширным материалом для написания моей диссертации, посвященной изучению истории Французской революции. Мною были подробно изучены, принята попытка проанализировать эти источники, которые стали основой для моей магистерской диссертации.

1. А.В.Гордон Власть и революция: советская историография Великой Французской революции 1918-1941

гг. Саратов.,2005 г. Д.Ю.Бовыкин Революция окончена? Итоги термидора. М., 2005г. Е.М.Мягкова.

Необъяснимая Вандея: сельский мир на Западе Франции в XVII-XVIII вв. М., 2006г.

2. А.В.Чудинов. Французская революция: история и мифы. М., 2007г.

Глава I. Истоки изучения Французской революции XVIII века в России.

I.1. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ Великой ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII века В РОССИИ.

Великая французская революция с самого начала вызвала живейший интерес в передовых слоях русского общества. Целые поколения, целые направления русской общественной мысли росли, и формировались, подвергая внимательнейшему анализу опыта Великой революции.

Историк В.И.Герье (1837-1919) одним из первых в своем курсе и в своих семинарах начал заниматься историей революции в России. В 70-х годах В.И.Герье, на которого оказал большое влияние Токвиль, стоял еще на умеренно-либеральных позициях¹. Однако с ростом революционного движения в России он все более отходил вправо. Но позднее, в 1907г., когда он издал свой труд «Французская революция 1789-1795 гг. в освещении Ипполита Тэна», он резко осудил оларовскую критику. Заслуга В.И.Герье в том, что он первым ввел изучение истории Французской революции в университетский мир.

Совершенно иную роль в изучении истории революции сыграл Н. И. Кареев (1850-1931), ученик В.И.Герье, которого А.Матьез в 1925г. назвал «старейшиной русских историков революции».² Близкий к народническим воззрениям Н.И.Кареев, одним из первых заинтересовался крестьянским вопросом во Франции XVIII в. Работая ряд лет в Национальном архиве в Париже, Н.И.Кареев в 1879 году опубликовал ценный труд «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.», защищенный им в качестве магистерской диссертации. Через 20 лет работа эта

1Ц. Фридлянд Итоги изучения Великой французской революции в СССР. М.,1930г. стр. 12

20 начале изучения Великой французской революции в университетах России. - История, язык, литература.

Вып.№2, Л.,1984г.№8 стр.38

была опубликована во Франции. Для своего времени это была лучшая работа по аграрной истории, равной которой не было во французской литературе. В дальнейшем Н.И.Кареев продолжал внимательно следить за историографией Французской революции и опубликовал ряд содержательных обзоров. Накануне первой мировой войны под влиянием работ Мелье и П.А.Кропоткина он занялся изучением роли парижских секций, работал на эту тему в парижских архивах и напечатал несколько этюдов, которые были основаны на впервые публикуемых документах. Эта тема о парижских секциях перешла как бы по наследству от Н.И.Кареева к его ученику Я.М. Захеру.

В дело изучения аграрной истории Франции эпохи революции серьезнейший вклад внес другой русский историк, И.В.Лучицкий (1845-1918).¹ Его первые работы - магистерская и докторская диссертации, защищенные в 70-х годах,- были посвящены религиозным войнам во Франции XVI столетия. Но с начала 90-х годов И.В.Лучицкий начинает свои исследования аграрных отношений во Франции накануне и в годы революции. В отличие от своих предшественников, считавших важнейшим источником указы, И.В.Лучицкий предпринял тщательнейшее исследование департаментских архивов.Он обнаружил новые архивные источники, в частности списки налогоплательщиков «двадцатины» и впервые подверг их статистической обработке, тем самым явившись как бы пионером применения статистических методов в исторических исследованиях. Его работы, печатавшиеся на протяжении почти 20 лет, были высоко оценены во Франции.

Е. В. Тарле, наиболее известный ученик И.В.Лучицкого, посвятил свои исследования, изучению французского рабочего класса в годы революции.² Основанная на многочисленных архивных источниках работа Е.В.Тарле явилась капитальным исследованием этой малоизученной темы. Важнейшим открытием Е.В.Тарле было выяснение вопроса о роли деревенской промышленности во Франции, особенно во второй половине XVIII в. Е.В.

1См.: В.М.Далин Историки Франции. XIX-XX веков. М., 1981г. стр.28

2Там же: стр.36

Тарле отрицал какое бы то ни было положительное значение политики максимума — положение, которое он сам в своих позднейших, послереволюционных работах признал ошибочным. Продолжая свои исследования по экономической истории Франции, Е.В.Тарле опубликовал два тома «Континентальной блокады», основанных на изысканиях в архивах ряда стран, получивших мировое признание и до сих пор сохранивших свое значение.¹

Несмотря на крупное значение перечисленных выше работ для изучения экономической, особенно аграрной истории Франции, эти исследования по мнению А.В.Адо имели и свою слабую сторону. «Связанные народническими пережитками, представители «русской школы» Н.И.Кареев, И.В.Лучицкий, в значительной мере и Е.В.Тарле стояли на неправильной позиции, доказывая «некапиталистический» характер экономики Франции XVIII в.» отмечал А.В.Адо.²

«Страна мелкого землевладения, мелкой культуры, Франция была до революции страной мелкого предпринимательства, мелкого ремесла, а во второй половине XVIII века — и мелкого кустарного производства. Крупных предприятий здесь не встречается», — писал И.В.Лучицкий.³ Роль мануфактурной стадии капитализма (именно с ней связано распространение промышленности в деревне) была этим историками совершенно не понята, утверждал А.В.Адо, а с этим было связано и неправильное представление о расстановке классовых сил в стране. Первая попытка критики этой концепции «русской школы» была сделана в 1929г.; она получила поддержку Н.М.Лукина и Ф.П.Потемкина. Сам Н.И.Кареев, отмечая, что «русские исследователи много сделали для изучения экономического быта», признавал, что они «сравнительно мало занимались событиями и деятелями

1См.: В.М.Далин Историки Франции. XIX-XX веков. М., 1981г. стр.37

2 А.В.Адо Великая французская революция, и ее современные критики. М., 1986г. Вып.4 стр.87

3Цит. по: В.М.Далин Историки Франции. XIX-XX веков. М., 1981г. стр.38

революции».¹ т. е. самим ходом классовой борьбы в развитии революции. Именно эти слабые стороны «русской школы» и стремилась позднее устранить советская историография Французской революции.

Серьезные работы по истории термидорианской реакции, в особенности ее экономической политики, опубликовал одесский историк К.П. Добролюбский (1885—1953).² Этой теме была посвящена почти вся его научная деятельность. Во второй половине 20-х годов он опубликовал статьи об экономической политике термидорианского Конвента, вошедшие в его первую книгу «Экономическая политика термидорианской реакции» (1930г.). К.П.Добролюбский и после выхода этой работы продолжал исследование классовой и идеологической борьбы в термидорианский период. Итогом всех этих исследований явилась опубликованная в 1951 году в Одессе книга «Термидор. Очерки по истории классовой борьбы во Франции в 1794—1795 гг.». Во всех работах К.П.Добролюбского большое место было уделено парижским секциям. Его действительно отличали тщательность и добросовестность в изучении документальных источников, в частности, воронцовского фонда, обширная эрудиция — именно поэтому его исследования не утратили до сих пор своего значения. Наиболее крупным достижением советской историографии в изучении термидорианского периода явилась превосходная работа Е.В.Тарле «Жерминаль и прериаль» (1937г.).³ В книге дано несравненно более удачное освещение политической роли плебейства и рабочих, чем в ранних работах автора. Пересмотрел Е.В. Тарле и свой отрицательный взгляд на значение максимума. «Я надеюсь,— писал он в предисловии к своей книге,— более подробно коснуться максимума в подготовленном новом издании моей книги «Рабочий класс во Франции в эпоху революции», где я коренным образом многое пересмотрел,

многое изменил и во многом дополнил то, что относится к влиянию таксации

10 начале изучения Великой французской революции в университетах России. - История, язык, литература. Вып.№2, Л.,1984г.№8 стр.39

2См.: Ю.Н.Афанасьев Историзм против эклектики. М.,1980г. стр.34

3Цит. по: В.М. Далин Историки Франции. XIX-XX веков. М.,1981г. стр.40

на участь рабочего класса».¹ По богатству документального материала, по блеску литературного изложения «Жерминаль и прериаль» является одной из лучших работ в обширном научном наследии Е. В. Тарле.

Исключительно большой интерес вызывало у советских историков изучение социальных идей накануне и особенно в годы великой революции. Если в области изучения классовой борьбы в этот период ведущую роль среди советских историков занимал Н.М.Лукин и своими «собственными трудами, и созданием целой школы советских исследователей, то в области изучения социальных идей такая роль принадлежала В.П.Волгину (1879— 1963), крупнейшему, общепризнанному в мировом масштабе знатоку истории социальных идей, в особенности во Франции.²

Научная деятельность В.П.Волгина в этой области началась еще в предреволюционные годы. В 1908г. он написал статью, посвященную Жану Мелье и его «Завещанию», и эта работа была, по существу, в мировой литературе одной из первых попыток освещения социальных идей Мелье. Эта работа увидела свет впервые в 1918г. После этого на протяжении почти 45 лет В.П.Волгин непрерывно работал в области изучения идей французского Просвещения XVIII в., в особенности идеи Мелье, Морелли, Мабли и других. Итоги этих многолетних изысканий были подведены В.П.Волгиным в книгах «Социальные и политические идеи во Франции накануне революции» (1940г.), «Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке» (1958г.) и в последнем его труде «Французский утопический коммунизм» (1960г.), где весь первый раздел посвящен утопическим идеям XVII и XVIII вв.¹ Все эти труды В.П. Волгина, получившие всеобщее признание, являются гордостью и

украшением советской исторической науки.³

Мне остается вкратце коснуться еще двух аспектов деятельности советских историков в изучении революции. Если не считать работы П. А.

1Цит. по: В.М.Далин Историки Франции. XIX-XX веков. М., 1981г. стр.42

2См.: А.В.Адо Великая французская революция, и ее современные критики. М., 1986г. Вып.4 стр. 39

3Там же: стр. 54

Кропоткина, ставившего перед собой особые задачи, в дореволюционной русской литературе не было ни одного общего труда по истории революции. Вышедшая в 1918 году книга Н. И. Кареева давала общий очерк политической истории. Между тем задача создания целостной концепции, охватывающей все экономические, социальные, политические процессы в их органическом единстве, становилась одной из важнейших задач советской историографии. Накануне войны коллективом историков под руководством В. П. Волгина и Е. В. Тарле был подготовлен большой труд. В этом томе были использованы новые архивные документы, в частности из фонда русского посланника во Франции в годы революции И. М. Симолина. Авторами тома были известные исследователи революции (К. П. Добролюбский, Б. Г. Вебер, Р. А. Авербух, С. В. Фрязинов, Ф. А. Хейфец, сам Е. В. Тарле и др.). Однако большое количество авторов привело к некоторой неравноценности текста и порой внутренним противоречиям. Тем не менее этот труд подводил итоги многолетних изысканий советских историков.¹

Наилучшей свободной работой по истории революции явилась вышедшая уже после войны работа А.З. Манфреда «Великая французская буржуазная революция»². Наиболее ценной и в научном отношении содержательной, основывающаяся не только на тщательном изучении литературы о французской революции, но и на продуманном использовании источников. Важным дополнением к этой книге явились вышедшие уже

посмертно « Три портрета эпохи великой французской революции.»(1978г.), где Манфред А.З дал впервые в советской литературе замечательную характеристику Мирабо и внес много нового в свой портрет Максимилиана Робеспьера.

Н.М.Лукин, также чрезвычайно внимательно следивший за литературой о Французской революции и в течение нескольких лет ведший семинары по

1См.: А.В.Адо Великая французская революция, и ее современные критики. М.,1986г. Вып.4 стр. 96

2 А.З.Манфред Великая французская революция. М.,1950г.

историографии данной теме, опубликовал ряд ценных этюдов об отдельных историках (Олар, Жорес, Матъез, Лефевр).¹

Статья крупного советского ученого-исследователя Великой французской революции В.М.Далина завершается материалами конца 70-х годов.²

1См.: В.М.Далин Историки Франции. XIX-XX веков. М.,1981г. стр.64

2Там же: стр.67

I. 2. Юбилейные издания к 200-летию Французской революции XVIII века: дискуссии и споры советских историков.

Великая французская буржуазная революция – одно из поворотных событий всемирной истории, вот уже несколько столетий приковывающее неослабленное внимание историков, порождающие жаркие, никогда не затухающие до конца дискуссии. В пост-советский период в ее изучении обнаружилось значимые новые явления. Они стали предметом пристального интереса советских ученых – специалистов по истории и историографии Франции. Характеристике «реинтерпретаторских моделей» Французской революции, спорам об ее историческом содержании посвящена книга крупного советского исследователя революционных событий конца XVIII в. А.В. Адо.¹

Для лучшего понимания природы споров в конце 80-х годов, о Французской революции правомерно обратиться к их истокам и причинам. В послевоенное двадцатилетие во французской историографии господствовали представления о революции конца XVII в. базировавшиеся на фундаментальных достижениях науки за 150 лет изучения этого феномена и потому охарактеризованные как «классические». Революция рассматривалась как исторически закономерное социальное явление: антифеодальное по направленности, буржуазное по содержанию.

Обострение споров о революции конца XVIII в. было вызвано не только идеологическими мотивами, но и в связи с изучением некоторых важных документов, в том числе характеризующие дворянство конца Старого порядка и революции.² При сопоставлении сведений, добытых благодаря новым источникам, с накопленными ранее знаниями, с «традиционными» взглядами обнаружилось подчас серьезные

¹Под ред. А.В. Адо Великая французская революция и Россия. М., 1989г.

²Л.А. Пименова *Дворянство накануне Великой французской революции*. М., 1986г.

несоответствия. Это побудило к переосмыслению тех или иных аспектов революционной проблематики.

Споры в советской историографии затрагивали множество сторон истории Французской революции конца XVIII в., были рассмотрены те вопросы, которые вызывали наибольший интерес и от решения которых зависило интерпретация Французской революции в целом. Это проблемы сеньории и сеньориальных платежей в предреволюционной Франции, соотношения феодальных и капиталистических элементов в экономике накануне революционной бури, облика дворянства и буржуазии и позиции последней с самой революции, якобинского периода и его значения, исторических итогов революционного переворота, его социальных и экономических последствий.

Проблема феодализма во Франции накануне революции – была одной из центральных в этом плане. В этой связи следует отметить, высказывания исследовательницы Л.А. Пименовой о том, что экспроприация и некоторые другие действия сеньоров способствовали «первоначальному накоплению», активизировали развитие капиталистических тенденций в сельском хозяйстве.¹

Но правомерно ли, считал А. В. Адо, ограничиваться констатацией одной стороны процесса и «замечать» восстановления давно забытых прав, более скрупулезного взимания феодальных платежей?²

Размышляя над тем, сколь весомы повинности для крестьян и из каких источников и в какой пропорции складываются доходы сеньории, историки все чаще выделяли несколько регионов в рамках страны. Советская исследовательница французского крестьянства XIV-XVIII вв. А.Д.Люблинская считала, что в передовых областях с богатыми городами,

¹Л.А. Пименова *Дворянство накануне Великой французской революции.* М.,1986г. стр.9

²А.В. Адо *Великая французская революция, и ее современные критики.* М.,1986г. Вып. 4, стр.97

развитыми товарно-денежными отношениями и длительным господством денежной ренты повинности составляли 10-12% от урожая. В остальных же областях, с замедленными темпами разложения феодализма (Центр. Восток. Северо - Запад), сеньориальные платежи были выше и многочисленнее.¹ А.В.Адо полагал, что в развитых районах, таких, как прежде всего парижский бассейн, повинности, включая десятину, равнялись 10-12% валового дохода крестьян, тогда как в менее развитых, где существовали натуральные платежи, «феодальный вычет» достигал 15-20%.² Л.А.Пименова подчеркивала, что «в экономически развитых районах Парижского бассейна, севера и северо-востока Франции на первое место в сеньории выдвинулись доходы от фермерской аренды и соответственно упала роль традиционных платежей».³ На юге и юго-западе страны, как отмечала автор, в доходах сеньории большую роль играла доля, получаемая от испольной аренды, тогда как доля сеньориальных платежей было здесь сравнительно невелика. 68 богатым представителям дворянства «мантии» в винодельческом районе Бордо повинности приносили в среднем только 5% их доходов.

Иного мнения о социально – экономических отношениях во Франции в конце Старого порядка придерживались французские историки указывающие на значимость феодализма во французской деревне, и отмечая что накануне революции еще сохранялись «феодальные структуры в экономике, обществе и государстве».⁴ Соглашаясь с этой характеристикой, Афанасьев Ю.Н. отмечал вместе с тем некоторую склонность части историков преувеличению новых

форм производства в предреволюционной Франции. Для этого времени представляется категоричным суждение французских историков о

¹Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции; (материалы «круглого стола»

19-20 сентября 1988 года). М., 1989г. стр.76

²Под ред. А.В. Адо Великая французская революция и Россия. М., 1989г., стр.-15

³Л.А. Пименова Дворянство накануне Великой французской революции. М.,1986г. стр.15

4См.: Ю.Н.Афанасьев, С.Ф.Блуменау Дискуссии вокруг Великой французской революции. - Великая

французская революция и Россия. М., 1989г., стр. 18

том, что «замельная рента, в основном феодальная, преобладала в аграрной жизни, а значить, и в экономике в целом».¹

Иначе рассматривался вопрос о новых тенденциях в аграрной сфере, наметившихся и получивших развитие в конце XVII – XVIII вв.

А.В.Адо писал о нескольких вариантах капиталистической эволюции сельского хозяйства, обозначившихся еще до 1789г.²

Во – первых, некоторые крупные землевладельцы – дворяне и буржуа вели собственное хозяйство, основанное на наемной труде. Это явление не получило значительного размаха. Гораздо шире было распространена иная практика: землевладельцы сдавали землю крупным фермерам, обладавшим рабочим и продуктивным скотом и необходимым инвентарем, налаживавшим производственный процесс и ведшим хозяйство по - капиталистически, с помощью батраков. Но и крупная ферма закрепились достаточно прочно только на севере, в более развитых районах. На большей же части

французской территории, где господствовали «мелкие земледельческие хозяйства», буржуазные элементы вызревали в аграрном строе из межкрестьянских отношений, в результате классовой дифференциации непосредственных производителей, выделения разбогатевших «пахарей», с одной стороны, и бедноты и рабочих с наделом, вынужденных наниматься к сельским богачам, - с другой.

Против высказываний, о недооценки развития капитализма в предреволюционной Франции предостерегал В.М.Далин, подчеркивая что, «Самая беглая характеристика технического уровня французской промышленности подтверждает вывод о преобладании капиталистической мануфактуры», а для такой отрасли, как хлопчатобумажная, он указывал на

1См.: Ю.Н.Афанасьев, С.Ф.Блеменау Дискуссии вокруг Великой французской революции. - Великая

французская революция и Россия. М., 1989г., стр. 18

2Под ред. А.В.Адо Великая французская революция и Россия. М., 1989г., стр. 16

признаки превращения мануфактуры в фабрику.¹

От рассмотрений капиталистических форм французской экономике в канун революционной эпохи логично перейти к агентам этих форм, к буржуазии того времени. Облик буржуазии в конце Старого порядка, ее структура, место в революции был предметом острых дискуссий в конце 80-х годов.

Со своей стороны французский историк М.Вовель касался сложности, связанных с рассмотрением указанных категорий. Историк отмечал, что они, в частности рантье, нередко не выступали в чистом виде, являясь

одновременно и сельскими негодьями и «генеральными фермерами». Автор дает понять, что речь идет о среде, в которой были гибридные социальные типы. Рассматриваемые социальные группы он называл «буржуазией смешанного типа». Историк пишет о вовлеченности значительной ее части в борьбу со Старым порядком, отмечая, что каждую роль в этом сыграло острое недовольство сословным неравноправием.²

Такой подход к вопросу о составных элементах буржуазного класса представлялся А.В.Адо более правомерным. Считая что, вполне оправданно, относить «буржуа» - крупных землевладельцев, получавших доходы от сдачи земли в аренду и ставших помещиками, хозяйствующими полукапиталистически, к буржуазии, но к ее более консервативной по сравнению с предпринимателями фракции. В ту же часть буржуазного класса по мнению историка, должны быть включены и некоторые другие категории, в частности «буржуа» домовладельцы. Но в буржуазный лагерь нельзя, как указывал Адо А.В., относить, помимо ротюрье – сеньоров, и слои, тесно связанные в социально-экономическом плане с феодально-абсолютистским

¹Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции; (материалы «круглого стола»

19-20 сентября 1988 года) М., 1989г. стр.79

²См.: Ю.Н.Афанасьев, С.Ф.Блуменау Дискуссии вокруг Великой французской революции. - Великая

французская революция и Россия. М., 1989г., стр. 20
государством.¹

Подводя некоторый итог советским спорам о буржуазии революционной эпохи, нельзя не отметить, что разногласия в оценках ее места и роли отчасти объясняются и малой разработанностью проблемы.

Неудовлетворительно прежде всего обстоит дело с исследованием наиболее динамичной части буржуазного класса – предпринимателей. Плохо представляют себе масштабы ее экономической активности, идейные позиции перед и во время революции, связь со сменявшимися друг друга революционными режимами. В советских «реинтерпретациях» Французской революции большое место занимало и «пересмотр» представлений о дворянстве, его роли в предреволюционной экономике, политических взглядах, умонастроениях.

Насколько правомерно была постановка вопроса о существовании в XVIII в. единой дворянской буржуазной элиты?

Решение этого, как и ряда других связанных с политическими воззрениями дворян вопросов было предложено советской исследовательницей Л.А.Пименовой, изучившей 165 дворянских наказов. Она отмечала, что накануне революции абсолютизм, глубоко дискредитированный, был непопулярен у основной массы французского дворянства. В 161 наказе содержится требование об ограничении королевской власти Генеральными штатами, регулярно собирающимися для контроля над администрацией, законодательством, финансами для установления размера и вида налогов. 137 наказов настаивают на утверждении личной свободы и свободы печати.²

Но мотивы и направленность антиабсолютистских требований в дворянских наказах, как демонстрирует автор, неодинаковы. В 121 наказе

¹Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции; (материалы «круглого стола»

19-20 сентября 1988 года) М., 1989г. стр.79

²Л.А. Пименова Дворянство накануне Великой французской революции.

М., 1986г. стр.23

антиабсолютистские настроения сочетаются с сословным консерватизмом. Это проявляется в выступлениях в пользу посословного голосования по всем вопросам в Генеральных штатах (107 наказов), в требованиях сохранить почетные сословные прерогативы (101 наказ), другие привилегии, сеньориальные права, защите провинциальной автономии и провинциальных традиций. Здесь антиабсолютистские предложения имеют целью восстановление дворянских вольностей, традиционной сословной монархии. В 17 других наказах абсолютизм критикуется с позиций, схожих с политической линией буржуазии: предлагается поголовное голосование в Генеральных штатах, ликвидация сословных привилегий, ограничение, отмена или выкуп некоторых сеньориальных повинностей. Оставшиеся 27 наказов оцениваются как смешанные, в них либеральные тенденции сочетаются с ретроградным.¹

Анализ наказов второго сословия свидетельствует о преобладании среди дворянства в 1789г. сословно-консервативных настроений. В другой статье к вопросу о месте дворян в экономике XVIII в., Л.А.Пименова, ссылаясь на свои исследования, пишет, что «связь» дворянского сословия с феодальными производственными отношениями... в значительной степени сохранялась».² Вместе с тем она отмечала неоднородность дворянства в социально – экономическом и идейно-политическом отношениях.

В работах и дискуссиях ученых конца XX в., выявляется современный уровень знаний о предреволюционном французском обществе. В том, что касается экономики, он находит, например, свое отражение на страницах вышедшего в бывшем Союзе вузовского учебника по Новой истории, где справедливо отмечается, что «в течение XVIII в., капиталистический уклад достиг во Франции высокой степени зрелости».³ Вместе с тем сеньориальные повинности и некоторые другие элементы пусть отжившего свой век

¹Л.А.Пименова Дворянство накануне Великой французской революции. М.,1986г. стр.43

²Л.А.Пименова Социально-политическая позиция дворянства накануне Великой французской революции.-

Новая и новейшая история. М.,1984г. №1 стр.74

³Под ред. А.В.Адо Новая история стран Европы и Америки. Первый период. М.,1980г. стр.107

порядка, но подкрепляющегося такими социальными и политическими институтами, как сословный строй и абсолютистское государство. Одновременно в идеологической сфере инициативу уже захватила буржуазия. Своеобразием общественной жизни того времени было часто встречавшееся переплетение старого и нового, наличие переходных экономических форм, гибридных социальных типов.¹

Вышесказанное заставило советских ученых задуматься над справедливостью тезисов о феодальных отношений во Франции накануне буржуазной революции 1789-1799гг. При рассмотрении переходной эпохи от феодализма к капитализму во Франции встал вопрос о ее хронологических рамках. Его решение требовало дальнейшего осмысления проблематики переходной эпохи в теоретическом плане, так и новых конкретных исследований различных сторон французской действительности XVII-XIX вв.²

В отличие от проблематики городского народного движения крестьянская борьба в революционную эпоху сравнительно мало изучалась в 50-60 х. годах, положение заметно изменилось в 80-е годы.

Особое значение приобрело капитальное исследование А.В.Адо, который охарактеризовал крестьянское движение во всей его полноте, рассмотрел и общекрестьянскую войну против сеньоров, и борьбу трудового крестьянства на земле против крупного землевладения и землепользования, и

продовольственные выступления сельского населения, покупавшего хлеб, и, наконец, действия сельских рабочих, требовавших повышения заработной платы.³ Высоко оценивая исследования своего предшественника Ж.Лефевра, он вместе с тем критически отнесся к концепции «автономной крестьянской революции», развивавшейся в особом ритме и «антикапиталистической

¹Д.М. Гусейнов и другие. Буржуазия и Великая французская революция. М.,1989г. стр.35

²Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции; (материалы «круглого стола»

19-20 сентября 1988 года) М., 1989г. стр.84³Под ред. А.В. Адо Великая французская революция и Россия. М., 1989г., стр. 22

по своим тенденциям». Изучение материала привело автора к убеждению, что в крупном плане каждый новый этап восходящего развития революции был также этапом в развитии крестьянской борьбы. Показав широкий размах уравнительного движения в революционной деревне, особенно в якобинскую эпоху, исследователь, сделал вывод о том, что оно было попыткой осуществить крестьянскую «чистку земель» для капитализма. Поэтому уравнительные устремления крестьян не только не мешали буржуазной революции, но, наоборот, объективно способствовали ее углублению.

Исследование А.В.Адо получило широкое признание и оказало заметное влияние на историографию крестьянского движения революционной эпохи. Рассматривая политическую активность городских низов и борьбу крестьянских масс перед и во время революции, А.В.Адо неправоммерно обходил вопрос о взаимоотношениях между этими двумя потоками народного движения. Временем наибольшего воздействия народных низов на политику властей в ходе революции по мнению автора была эпоха якобинской диктатуры.

В упомянутой выше подборке статей о якобинизме внимание привлекает работа Ж.Гийому. В ней речь идет о том, что в политике якобинцев выявились две тенденции: к утверждению демократической диктатуры и к бюрократическому централизму. Поэтому, как полагал А.В. Адо якобинцы были одновременно партией масс сектантской группой. В этой связи он указывает на «относительную автономию народных сил», влияние которых проявилось через демократические политические институты: клубы, секционные собрания, народные общества. Об автономии санкюлотского движения по отношению к якобинцам в рамках и союза писал и советский историк Е.М.Кожокин, также акцентирующий главное внимание на своеобразии политической практики городских низов, их политических устремлений.¹

¹Е.М.Кожокин Государство и народ: От Фронды до Великой французской революции. М., 1989г., стр.75

Подходы к проблемам народного движения и якобинской диктатуры в развернувшихся дискуссиях во многом определяли и суждения об итогах Французской революции. Многие исследователи подчеркивали, что социально – политическая борьба масс и курс установленной под их натиском якобинской власти способствовали углублению преобразований революции. Историки – «ревизионисты», напротив, утверждали, что возрастание роли «низов» и политика якобинцев оказали Французской революции негативные тенденции, самым неблагоприятным образом сказались на результатах.¹

Со своей стороны советские историки, размышляя над известными фактами и опираясь на исследования, характеризовывали вклад Французской революции в различных сферах социальной жизни, а также предлагали иное по сравнению с «ревизионистами» решение проблемы места революционной бури 1789-1799 гг. в истории Франции. Они подчеркивали, что «революция, руководимая буржуазией, уничтожила старую систему производства и

социальные отношения, из нее проистекавшие». Они акцентировывали внимание на создании нового буржуазного либерального государства. Ученые указывали также на то, что, уничтожив «провинциальные партикуляризмы и местные привилегии, революция способствовала национальному единству. Впечатляющими были и ее достижения в установлении политических свобод и гражданского равенства».²

Историки отдавали себе отчет и в том, что не все старые структуры были совершенно развиты революцией и что тем более требовалось значительное время для всестороннего утверждения новой буржуазной системы отношений.

¹См.: Ю.Н.Афанасьев, С.Ф.Блуменау Дискусии вокруг Великой французской революции. - Великая

французская революция и Россия. М., 1989г., стр. 23

²Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции; (материалы «круглого стола»

19-20 сентября 1988 года) М., 1989г. стр. 89

Споры, в конце 80-х годов, вызывали вопросы о хронологических рамках первой французской революции. Когда эта революция началась, когда кончилась, да и была ли во Франции в конце XVIII в. одна революция или несколько? На эти вопросы в исторической литературе давались самые различные ответы. В советской исторической литературе долгое время господствовал представление о Великой французской революции как революции 1789-1794 гг.¹ Переворот 9 термидора долго оценивался некоторыми советскими историками не просто как реакционный буржуазный переворот, направивший развитие революции по нисходящему пути, а как «конец революции», что искажало всю дальнейшую картину событий. «9 термидора было последним днем революции, - писал, А.З.Манфред. – С

гибелью Робеспьера закончилась последняя глава Великой французской революции».² Ревуненков В.Г. полагал, что Великая французская революция охватывает не четверть века (1789-1814), как это принималось в исторической науке ранее, и не пятилетие (1789-1794), как это представлялось многим историкам, а десятилетие 1789-1799 гг., причем она развивалась сначала по восходящей, а затем по нисходящей линии.³

Аристократическая «предреволюция» 1787-1788г. послужила своеобразной прелюдией к революции, а наполеоновский консулат 1799-1804 гг. стал ее эпилогом, отмечает Ревуненков В.Г. в своей книге.

Основными вехами поступательного развития революции по мнению В.Г.Ревуненкова были три парижские народные восстания: восстание 14 июля 1789г., которое сломало абсолютизм и привело к власти крупную либерально – монархическую буржуазию (конституционалистов); восстание 10 августа 1792г., которое фактически низвергло монархию и привело к власти республиканскую крупную буржуазию (жирондистов); восстание 31

1 А.З.Манфред Французская буржуазная революция конца XVIII века (1789-1794 гг.). М.,1950г.

2.Там же: стр.28

³ В.Г.Ревуненков Очерки по истории Великой французской революции. 2-е изд. доп. Л., 1989г. стр. 68

мая – 2 июня 1793г., которое низвергло господство Жиронды, хотевшей республики только для богатых, и передало власть в руки «наиболее последовательных буржуазных демократов – якобинцев эпохи великой французской революции».

Господством буржуазии и верхних, зажиточных слоев мелкой буржуазии в Конвенте и во всех без исключения правительственных комитетах автор и объяснял то обстоятельство, что при всем том большом влиянии, которое оказали народные массы на политику якобинской диктатуры, эта политика «никогда не было чисто мелкобуржуазной или чисто плебейской, а всегда оставалась связанной с задачами капиталистического

развития Франции. Она подтверждает то положение, что якобинцы в целом были наиболее смелыми и решительными представителями революционного класса своего времени – буржуазии».¹

Якобинская диктатура, по мнению автора, действительно было высшей ступенью в развитии Французской революции. Ее историческая роль огромна. Именно она довела до малого конца и юридически закрепила великое дело уничтожения феодальных порядков во французской деревне, подавила роялистско – жирондистскую контрреволюцию и организовала победу над коалицией европейских монархов. Исторически вынужденным было и временное ограничение формальной демократии, и применение такого острого оружия политической борьбы, как террор. По мнению советских историков якобинская диктатура было все же революционной диктатурой буржуазного типа. Она облегчила возможность как для зажиточного, так в известной мере и для среднего крестьянства увеличить свою собственность за счет конфискованных владений церковей и дворян-эмигрантов, которые стали распродаваться на более льготных условиях.²

¹См.: В.Г.Ревуненков К истории споров о Великой Французской Революции. - Великая Французская революция и Россия. М. 1989г. стр. 39

²См.: Д.М.Гусейнов и другие. Буржуазия и Великая французская революция. М.,1989г. стр.56

Движение революции по нисходящей линии, начавшееся 9 термидора и окончательно закрепленное поражением парижских санкюлотов в жерминале и прериале III г. (апрель – май 1795г.). Ревуненков В.Г. полагает, завершилось государственным переворотом 18 брюмера VIII г. (9 ноябрь 1799г.), в результате которого во Франции установился личный, авторитарный режим

Наполеона Бонапарта, переросший в дальнейшем в новую разновидность монархии буржуазного типа.

В.Г.Ревуненков отмечает о том, что нисходящая линия революции не представляла собой отступления в сторону феодального прошлого, напротив, она означала укрепление и дальнейшее развитие социальных порядков, покоящихся на частной капиталистической собственности и системе наемного труда. Эта линия предполагала лишь одно: подавление народного движения, отстранение народных масс от всякого участия в управлении государством, ограничение демократических прав и свобод. Именно в этом буржуазия видела гарантию своих социальных привилегий, но именно это обернулось в конечном итоге против нее самой, проложив путь сначала к империи Наполеона, еще буржуазной по своему существу, а затем и к реставрации полуфеодальной монархии Бурбонов. Что касается «наполеоновской эры» (1799-1814), то ее нельзя ни отождествлять с эпохой революции, ни отрывать от нее. Режим Наполеона – это действительно «бонапартистская контрреволюция», которая ликвидировала и республику, и последние остатки демократических свобод, но которая вместе с тем закрепила и упрочила все социальные завоевания революции, выгодные буржуазии и зажиточному крестьянству. Столь же двойственную роль играл этот режим и на международной арене. В ожесточенной борьбе с коалициями европейских монархий (по меньшей мере на ее начальных этапах) наполеоновская Франция не только грабила страны Европы, не только захватывала их территории, но и подрывала в них феодальные отношения,

способствовала утверждению в них буржуазного строя.¹

Новый, более высокий уровень изучения фактической истории Французской революции заставил по-новому подойти и к проблеме

«диктатуры низов», отождествлявшейся ранее в советской литературе с якобинской диктатурой. В конце 80-х годов накопилось достаточно доказательств того, что якобинская диктатура представляла собой революционную буржуазную власть, которая в борьбе с роялистско - жирондистской контрреволюцией опиралась на широкие народные массы, шла на известные уступки им в социальной области, но которая вместе с тем решительно обуздывала радикальные плебейские элементы, такие, как «бешеные» или эбертисты. Не подтвердились выводы многих советских ученых, что перейдя с осени 1793г. к политике массового террора, якобинцы якобы усвоили «плебейскую линию» в революции. «Плебейская линия» - это не только и не столько раздробление крупных поместий и ферм, на уравнение имущества, но наделение неимущих собственностью, т.е. линия, которую защищали и «бешеные», и эбертисты, но которая натолкнулась на сопротивление всей буржуазии, в том числе и революционной якобинской буржуазии. Что касается вантозских декретов, в которых увидели попытку робеспьеристов раздробить крупную собственность, наделить неимущих собственностью, в советской литературе историки пришли к более обоснованному выводу о том, что эти декреты представляли собой лишь правительственный маневр с целью парировать уравнительную агитацию плебейских группировок.²

¹ В.Г.Ревуненков Очерки по истории Великой французской революции. 2-е изд. доп. Л., 1989г. стр. 94

²Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции; (материалы «круглого стола» 19-20 сентября 1988 года) М., 1989г. стр.95

I. 3. «Смена веx» в пост – советской историографии Французской революции XVIII в.

Пост - советская историография – относительно новый исторической феномен, открывающий собою новый, важный этап в российской историографии. Основным фактором, определившим его особенности, стали экономические, политические и идеологические изменения, происшедшие в России за последнее десятилетие, в конце XX века. Кроме того, немаловажную роль сыграли влияние так называемого «ревизионистского» направления французской историографии и смена поколений советских историков.

Известный российский историк В.П.Смирнов, в одном из своих статей, объясняет такой исторический поворот тем что: «Хотя Советский Союз прекратил свое существование в 1991г, тенденции, характеризующие пост - советскую историографию, проявились значительно раньше – в ходе «перестройки». Наиболее известные советские историки, специализировавшиеся на изучении истории Французской революции, сформировались в русле советской историографической традиции. Они рассматривали Французскую революцию как «Великую Революцию» (с большой буквы) – конечно, буржуазную, но демократическую и народную, которая «сокрушила феодально - абсолютистский строй, до конца добила феодализм, «исполинской метлой» вымела из Франции хлам средневековья и расчистила почву для капиталистического развития»¹.

С самого своего рождения, по мнению автора, советская историография уделяла особое внимание исторической роли масс и активности левого крыла революционеров, особенно якобинцев, в которых она видела предшественников большевиков. «Советская историография была

¹Цит. по: Д.Ю.Бовыкин О современной российской историографии французской революции XVIII века. –

Новая и новейшая история. М., 2007г. №1 стр.50

«якобиноцентристской», изучала революцию «снизу» и «слева». «Перестройка», распад Советского Союза кардинально изменили ситуацию».¹

В.П. Смирнов указывает на то что, очень быстро (примерно с 1987г. по 1992г.) капитализм, рыночная экономика, либерализм и даже «разумный консерватизм» были возведены в ранг универсальных и неоспоримых ценностей, заменив в качестве таковых социальное равенство, социализм и революцию. Существовавшая идеология, некогда единственная официально разрешенная, была заклеяна и отвергнута большей частью общества. Вся история России, как и всемирная история, была пересмотрена в соответствии с новыми ценностями.

Такую же эволюцию, согласно утверждениям В.П.Смирнова, хотя и в более нюансированной форме, претерпела историография Французской революции. Она совпала со сменой поколений советских историков. С кончиной Б.Ф.Поршнева (1972г.), А.З. Манфреда (1976г.), В.М.Далина (1985г.) на авансцену вышло следующее поколение – поколение А.В.Адо, Г.С.Кучеренко, А.В.Гордона. Оно задавало тон в дискуссии, организованного Институтом всеобщей истории «круглого стола» 1988 года, где уже проявились характерные тенденции пост-советской историографии.²

Собравшиеся в Москве в разгар «перестройки», в интеллектуальной атмосфере критики советского прошлого, участники «круглого стола» были едины в своем стремлении к обновлению. Открывая дебаты, А.В.Адо заявил о «потребности в новом осмыслении целого ряда проблем истории Французской революции, в поисках новых подходов, обновлении проблематики, пересмотре некоторых схем», в преодолении «якобиноцентризма». Молодые историки, в большинстве ученики А.В.Адо и

¹См.: В.П.Смирнов Две жизни одного издания.- Новая и новейшая история.

М., 2002г. №3 стр.220

² Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции: (Материалы «круглого стола» 19-20 сент. 1988г.) М., 1989г.

Г.С.Кучеренко, подняли в ряде выступлений темы, ранее игнорировавшиеся советской историографией: ментальность народа(З.А.Чеканцева и Е.О.Обичкина), история дворянства(Л.А.Пименова) и буржуазии(Е.В.Киселева и А.В.Ревякин), история жирондистов(С.Я.Карп и Э.Е.Гусейнов). А.В.Чудинов призвал к изучению без идеологической предвзятости работ «консервативных историков», включая И.Тэна и О.Кошена, чтобы «обеспечить исследованиям развитие на основе синтеза научных достижений всех без исключения направлений мировой историографии».¹

Основная дискуссия развернулась по двум проблемам – переход Франции от феодализма к капитализму и якобинизм. Вопреки традиционному для советских историков мнению, согласно которому, Французская революция представляла собою грань между феодализмом и капитализмом, А.В.Адо предложил рассматривать ее как «важнейший» «событийный рубеж» в ходе протяженного во времени межформационного перехода – разложения и разрушения старого, становления и утверждения нового, капиталистического общества», продолжавшегося с XVI по XIX вв. В том же духе, Л.А.Пименова критиковала понятие «феодальное -абсолютистский», применявшееся советскими историками по отношению к Старому порядку.

Ряд выступавших (Н.Н.Болховитинов, Е.Б.Черняк, В.П.Смирнов) предложили внести коррективы в ранее безоговорочно положительный образ якобинцев, учитывая, что якобинцы создали систему государственного террора. Они критиковали характерный для советской историографии тезис о «буржуазной узости» Французской революции, подчеркивая, например, что

«Декларация прав человека и гражданина» выражала общечеловеческие идеалы, а не только «интересы буржуазии».

¹. Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции: (Материалы «круглого стола»

19-20 сент. 1988г.) М., 1989г. стр. 45-51

Е.Б.Черняк поставил под сомнение «абсолютизацию самого состояния революции как высшей ценности», другие выступавшие этой темы не затрагивали, но фактически в той или иной степени находились под влиянием «ревизионистского» направления французской историографии, возглавлявшегося Ф.Фюре.

Тенденции, обозначившиеся на «круглом столе» 1988г., нашли отражение в исторических исследованиях, опубликованных в России в связи с 200-летием Французской революции. Самой крупной из публикации стала серия «Великая французская революция: документы и исследования», выпущенная Московским университетом по инициативе А.В.Адо и под его редакцией. Сам автор, его ученики и коллеги исследовали поведение социальных классов (рабочих, дворянства, крестьянства, буржуазии) накануне и во время революции. Их исследования дополнили работа о роли революционных традиций в политической жизни Франции и два тома документов революционной эпохи.¹

Институт всеобщей истории в Москве опубликовал сборник статей «Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология» под редакцией Г.С.Кучеренко.² Издательство «Прогресс» выпустило прекрасно иллюстрированный том «Великая французская революция и Россия», где ведущие советские и французские специалисты (в т.ч. А.Собуль, Ж.Годшо, К.Мазорик) анализировали различные аспекты революционной истории.³ В 1989г. В.Г.Ревуненков переиздал «Очерки по истории Великой французской

революции». Что касается новых тем, то А.В.Гордон исследовал падение жирондистов, а Е.М.Кожокин – сложные и противоречивые отношения между государством и народом. Н.Н.Молчанов написал «параллельные» биографии монтаньяров Дантона, Марата и Робеспьера; П.П.Черкасов создал первую в советской исторической литературе биографию Лафайета.

¹ А.В.Адо Великая французская революция: документы и исследования. М., 1988г.

² Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология. М.1988г.

³Под ред.: А.В. Адо Великая французская революция и Россия. М., 1989г.

Другой, не менее известный российский историк Французской революции А.В.Чудинов, дает совершенно иное объяснение причинам такого исторического поворота в историографии. Она нашла отражение в его работах, в частности в его статье «Смена вех: 200-летие Революции и российская историография», опубликованная во «Французском ежегоднике».¹ Согласно его мнению в изучении французской революции конца XVIII века в России произошло именно «смена вех». В этой статье автор отмечает, что «этот процесс был обусловлен логикой развития самой науки и произошедшими в стране социально – экономическими и политическими переменами. В исторической науке, освобождённой от идеологических штампов, открылись большие возможности для советских историков свободного поиска и эксперимента в области методологии и передовых достижений зарубежных наук».²

Другим фактором данной перемена А.В Чудинов назвал смену поколений: уход из жизни, сначала А.З Манфреда(1976г.), В.М Далина (1985г.) - учёных, принадлежавших, по его словам, к поколению романтиков революции. Затем, А.В Адо(1995г.) и Г.С. Кучеренко (1997г.) -гораздо более далёких от идеологии предшественников и гораздо больше открытых к

восприятию современных позиций в мировой историографии.

Кардинальная переоценка в российской науке роли критических направлений ни в коем мере не связано с отказом от научных достижений классической историографии и, наконец, автор статьи, подчёркивает что, «столь радикальная смена вех не сопровождалось ни с шумной дискуссией, не дракой на «мечах».³

А.В. Чудинов считает, что перемены в историографии, в отличие от политики, происходят не слишком быстро. Если для смены политического строя требуется считанные месяцы, то на смену историографии парадигм

¹. А.В. Чудинов Смена вех: 200 – летие Революции и Российская историография - Французский ежегодник 2000. М., 2001г.

². Там же: стр. 72

³. Д.Ю.Бовыкин О современной российской историографии французской революции XVIII века. - Новая и новейшая история. М.,2007г. №1 стр.50

обычно уходят десятилетия, новые ценности и методы исследования устанавливаются и осваиваются на протяжении достаточно продолжительного времени. Нужны еще годы на создание истории в рамках новой парадигмы и наконец не мало воды утечёт, пока новое возобладает над старым.

По мнению автора статьи «смена вех» произошла менее чем за одно десятилетие; так в 1986 году появилось монография Л.А.Пименовой «Дворянство на кануне Великой Французской революции».¹ Пожалуй, первое крупное произведение российского историка, решительным образом поставившее под сомнение советский канон объяснения Французской революции, а уже в 1995 году А.В.Адо уверенно констатировал, что «советская историография Французской революции завершила своё существование».²

Удивляет А.В.Чудинова и то, сколь легко осуществилось это «смена вех», не вызывавшая никакой научной дискуссии между сторонниками новой и старой интерпретации. Пожалуй, единственным, кто дал другое объяснение причин в историографии поворота, стал историк В.П. Смирнов. Если А.В. Чудинов выводит на первый план результаты научной истории, то В.П. Смирнов – перемену в идеологии и политике.

Такая попытка найти объяснение происходящему исключительно в политических катаклизмах второй половины 80-х – начало 90-х годов, как это делает В.П. Смирнов, выглядит по мнению А.В. Чудинова не слишком убедительным. Разумеется, ослабленное, а затем и полное исчезновение в тот период идеологического штампа способствовало свободному обсуждению научных проблем и ускорило происходившее в историографии изменений.

Иными словами, в первом пояснении «смена вех» может показаться неким необъяснимым феноменом, ассоциирующая с геологической

¹Л.А.Пименова Дворянство на кануне Великой Французской революции. М.,1986г.

² А.В.Адо Французская революция в советской историографии. - Исторические этюды о Французской революции. М.-1998г. стр. 311

катастрофой; когда от монолитного материка и современной историографии, вдруг без сколько-нибудь существенных потрясений откололась довольно значительная часть и прямо на наших глазах ушла в небытие, подобно мифической Атлантиде.

Чтобы понять причины столь быстрого и безбоязненного течения «смены вех», есть смысл обратиться к самому началу 80-х годов, и выяснить, в каком состоянии находилась советская историография Французской революции накануне перемен?

Изучив ряд документов, то есть эти официальные переписки академического партийного начальства, за 1983-1985 годы, об организации программы научных мероприятий к 200-летию Французской революции XVIII века, А.В.Чудинову первое, что бросилось в глаза – это высочайшее идеологическое значение, придаваемое в бывшем Союзе истории Французской революции. Необходимость активизации исторической работы по данной тематике мотивируется исключительно потребностями «эффективного участия» в идеологической борьбе, обещающей еще более ожесточиться в связи с предстоящим 200-летним юбилеем Революции.¹

Оценив, как во Франции относятся к Революции, представители различных политических сил, складывается предельно драматичная, но достаточно далекая от реальности картина историографического ландшафта бывшего Союза.

В данной связи весьма показательным является письмо Ю.И.Рубинского (историк, дипломатический чиновник, советник посольства), заведующему отделу С.В.Червоненкову, чтобы подчеркнуть идеологическую и политическую важность предстоящего юбилея.²

Реальную опасность для советской историографии Революции и соответственно, для классического видения истории в целом работы Ф.Фюре,

¹. А.В. Чудинов 200-лет Французской революции 1789-1799 гг.: Итоги юбилея. - Французский ежегодник 2000. М., 2001г. стр. 30

². А.В.Чудинов Смена вех: 200 – ление Революции и Российская историография. - Французский ежегодник 2000. М., 2001г. стр. 76.

М.Озуф и других исследователей, принадлежавших к «критическому» направлению историографии, которые в конечном счете и подорвали основы классического истолкования Французской Революции.¹

Другая особенность положения советской историографии Французской Революции, по мнению А.В.Чудинова, явное несоответствие между полученными историками социальным запросом и их научными возможностями. Это письмо заведующего сектора новой истории ИВИ АН Е.Б.Черняка директору института З.В.Удальцовой в полной мере отмечено подобным противоречием.

Особое значение придается в письме коллективному труду «Великая Французская Революция и Европа», обещая обеспечить «серьезный вклад» с идеологической и политической точки зрения тематики в виде ряда соответствующих «фундаментальных исследований».²

Этим изданием предполагалось дать достаточно обоснованный ответ на вопросы, выдвигаемые в центр идеологической борьбы в новейшей историографии (проблема зарубежного характера Революции, последствий Революции для страны, где она происходила и для истории европейского континента в целом).

«Изложенная в указанном письме концепция коллективной монографии «Великая Французская Революция и Европа» совпадает с концепцией трехтомного труда «Великая Французская Революция XVIII века», над которым в 60-е годы работал тот же сектор под руководством Б.Ф.Поршнева».³

Разница между проектами двух этих изданий, состоит в том, что более ранее должно было охватить весь мир, тогда как более позднее – только Европу.

¹ С.Ф.Блуменау От социально-экономической истории к проблематике массового сознания: Французская

историография революции конца XVIII в.(1945-1993 гг.). Брянск.1995 г. стр.145.

² А.В. Чудинов 200-лет Французской революции 1789-1799 гг.: Итоги

юбилея.- Французский ежегодник

2000. М., 2001г. стр. 34

3. А.В.Чудинов Смена веков: 200 – летие Революции и Российская историография - Французский ежегодник

2000. М., 2001г. стр.78

В 1962-1964 гг. коллектив сектора провел довольно большую предварительную работу по подготовке указанного выше трехтомного труда, который должен был выходить в 1966-1968 гг. Однако из-за конфликта с рядом идущих сотрудников сектора Б.Ф.Поршневу уступил пост заведующего А.З.Манфреду, после чего проект был остановлен. Тем не менее, и подготовленные материалы остались в архиве сектора, и что предлагал Е.Б.Черняк, должны были лечь в основу нового труда.

Таким образом, выходя с предложением программы научных мероприятий, в честь 200-летию Французской Революции Е.Б.Черняк рассчитывал на уже имеющийся у сектора задел истории по теме.

Однако, А.В.Чудинов считал также нужным заранее оговорить те трудности, которые могут осложнить выполнения заявленной программы – «немногочисленность кадров высококвалифицированных специалистов по данной тематике, а также ограниченный для исследователей по ряду причин доступ к материалам Французских архивов».¹

Собственно, этой короткой фразе и была сформулирована главная проблема, без решения которой все остальное «оказывалось лишь благими желаниями». Если не хватает кадров, никакой задел, сколько бы ни был он значителен, не может быть реализован. А без доступа к Французским архивам по такой объективной причине, как «железный занавес», не стоит и мечтать о том, чтобы «нести серьезный вклад в современной историографии, не говоря уже о том, чтобы дать достаточно обоснованный ответ на вопросы, выдвигаемые в центр идеологической борьбы в новейшей историографии».²

Такая же система аргументаций воспроизводится в письме З.В.Удальцовой, первому заместителю заведующего Международным

отделом В.В.Загладину. Однако доводы те же: «чрезвычайная идеологическая важность темы Французской Революции «долг советской

¹. А.В.Чудинов Смена веков: 200 – летие Революции и Российская историография - Французский ежегодник

2000. М., 2001г. стр.80

². Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции:

(Материалы «круглого стола»

19-20 сент. 1988г.) М.,1989г. стр. 60

науки принять самое активное участие в этом идеологическом противоборстве» просьба предоставление различного рода научных благ и заведомо невыполнимое обещание создать «фундаментальные труды по своему уровню, отвечающие высоким современным исследовательским стандартам», чтобы дать обоснованный ответ на вопросы, выдвигаемые в центр идеологической борьбы в новейшей историографии». ¹

Возникла не слишком приятная ситуация, оказалось, что для защиты этой «КРЕПОСТИ» (историографии Французской революции) нет ни бойцов, ни средств, тогда-то появилась идея переиздать канонический для советской историографии труд «Французская Революция 1789-1799 гг.», который впервые увидел свет еще в 1941 году.

Так как руководству сектора было просто не из чего подготовиться к Юбилею, то Е.Б.Черняк внес в Дирекцию соответствующее предложение, ознакомить его с подробной аргументацией: «с выходом в свет переработанного издания: «Французская буржуазная революция». Вместе с тем в этот труд должны войти главы, написанные целой плеядой крупных советских ученых, как: Е.В.Тарле, В.П.Волгин, Ф.Р.Потемкин и другие. ²

Таким образом, появление подобного проекта свидетельствует о том глубоком кризисе, в котором находилось советская академическая историография Французской Революции в начале 80-х годов, полученный ею социальный заказ «сверху», на обеспечение научной стороны программы

юбилейных мероприятий, продемонстрировал как отсутствие у нее новых идей, так и дефицит квалифицированных кадров.

Активизация в России исследований по указанной тематике, по мнению А.В.Чудинова, началось только с середины 1980-х годов, когда в историографии Французской Революции пришли новые кадры, большинство из которых составляют ученики А.В.Адо и Г.С.Кучеренко, воспитавшегося в отличие от коллег старшего поколения, уже не только на советской

^{1.} А.В.Чудинов Смена веков: 200 – летие Революции и Российская историография - Французский ежегодник

2000. М., 2001г. стр.82

^{2.} А.В. Адо Французская революция в советской историографии. - Исторические этюды о Французской

революции. М.-1998г. Стр. 315

идеологии, а на гораздо более широком круге идей, представленных в мировой научной литературе.

Несколько позже были защищены докторские диссертации, посвященные малоразработанным в предыдущей советской историографии сюжетам: Д.М.Туган-Барановского – о Наполеоне Бонапарте.¹

Точки зрения советских историков по истории французской революции были различными. А.В. Гордон рассматривал якобинское восстание мая-июня 1793 г. как «народное» и «глубоко патриотическое», как «кульминационный пункт Великой революции». Он считал, что благодаря якобинской диктатуре Франция победила феодализм в аграрной сфере и иностранную интервенцию. В.Г.Ревуненков, соглашался с тем, что якобинская диктатура была «вершиной Французской революции». Он защищал якобинский террор, называя его «исторически оправданным», но утверждал, что истинным авангардом народа, совершившего революцию, была Коммуна Парижа, «бешеные», эбертисты, но не якобинцы, представлявшие, по его мнению, революционную буржуазию.²

С.Ф.Блуменау выступал против «идеализации» якобинцев, против тех,

кто считает их политическую практику «прогрессивной», тогда как А.В.Чудинов резко критиковал якобинцев с позиций, очень близких позициям французских «ревизионистов». В своем предисловии к «Избранным произведениям» Жоржа Кутона, изданным в Москве в 1994г., он охарактеризовал якобинцев как искренних, но опасных утопистов, существовавших на «облаке утопии» в полном отрыве от реальности.

Согласно А.В.Чудинову, «этическая утопия робеспьеристов противоречила реальным потребностям всех слоев французского общества...». Но сделав свой выбор, рыцари «Царства добродетели» не хотели отступать. Ослепленные мечтой, они плыли «в кровавом облаке» над

¹ А.В.Адо Французская революция в советской историографии. - Исторические этюды о Французской революции. М., 1998г. Стр. 318

² Материалы «круглого стола» см.: Новая и новейшая история. М., 1996г. №5 стр.78

морем слез и страданий, затопившим их родину. Франция стояла на краю катастрофы. Чтобы спасти ее, надо было сбросить иго утопии. Это произошло 9 термидора.

В своей докторской диссертации А.В.Чудинов воздал консервативному и «ревизионистскому» направлениям историографии, начиная с Э.Бёрка, чья методология позволила, по словам автора, «поставить такие проблемы и наметить такие пути их разрешения, которые вплоть до наших дней не утратили своей познавательной ценности».¹

А.В.Гордон ответил на эту критику в послесловии к собранию произведений Сен-Жюста, вышедшему в Москве в 1995г. По его убеждению, якобинцы были неразрывно связаны с социальной реальностью эпохи: «За якобинской иллюзией всеобщности крылся интерес не только буржуазии и не

столько буржуазии, сколько огромной небуржуазной части французского общества».²

В октябре 1995г. Институт всеобщей истории в Москве организовал «круглый стол» на тему «Якобинство в исторических итогах Великой французской революции, где ясно обнаружился методологический (и, возможно, политический) плюрализм бывших советских историков».³

В отсутствие умершего А.В.Адо и Кучеренко, тон дискуссии задавало поколение их учеников – А.В.Чудинов, С.Ф.Блуменау, Е.О.Обичкина. Более восприимчивые к идеям «ревизионистов», они призывали, говоря словами Е.О.Обичкиной, к новому «видению революции», предполагающему «отказ от антикапитализма, неприятие диктатуры и террора, а также повышенное внимание к персоналиям и к ментальной истории». З.А.Чеканцева заявила о необходимости преодолеть традиционный подход, рассматривающий революцию как «главную ценность». Однако основная дискуссия

¹. Материалы «круглого стола» см.: Новая и новейшая история. М., 2002г. №1 стр.110

². Там же: стр.112

³. Материалы «круглого стола» см.: Новая и новейшая история. М., 1996г. №5 стр.80

развернулась вокруг исторической роли якобинизма. А.В.Чудинов по-прежнему настаивал на «невозможности связать политику Робеспьера и его сторонников с реальными интересами любого более или менее значительного слоя французского общества». А.В.Гордон, напротив, доказывал, что якобинцы выражали интересы широких масс населения. Он критиковал попытки «деякобинизации» революционной истории и подчеркивал «международное значение якобинизма». По его мнению, современная история

сделала «шаг в якобинском направлении», придя к практике государственного регулирования экономики и государственной политике социального обеспечения.¹

Эти споры, которые еще далеки от своего завершения, показывают, что пост-советская историография находилась в стадии становления. Она является собою результат разрыва с советской историографией, но при этом сохраняет и многие из ее традиций.

¹. Материалы «круглого стола» см.: Новая и новейшая история. М., 1996г. №5
стр.80

Глава II. Российская историография Французской революции XVIII века в 90-е годы XX века и в начале XXI века.

II.1. НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ И исследования ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII века.

За прошедшие **полтора** десятилетия изучение Французской революции переживало бум, связанный с ее 200-летним юбилеем. Для российских историков этот отрезок времени оказался весьма плодотворен и потому, что со второй половины 80-х годов постепенно ослабевало, после 1991г. полностью исчезло то идеологическое давление со стороны государства, которое постоянно ощущали на себе советские исследователи Французской революции.

Новейшие достижения зарубежной и российской науки не только проливают дополнительный свет на события самой революции, но и позволяют увидеть в новом ракурсе некоторые моменты ее историографии.

Пожалуй, из всех перемен, которые принесли в историографии французской революции XVIII в. 1995-2005 гг., с наибольшей грустью осознается сегодня уход из жизни тех, кто во многом определял его изучение в России. Последним в этом печальном ряду был профессор Санкт-

Петербургского университета В.Г. Ревуненков, скончавшийся в октябре 2004г. Едва ли в 1970-е годы, когда дискуссии вокруг его работ заставляли говорить о противостоянии "московской" и "ленинградской" исторических школ, можно было предположить, что в конце XX века монография В.Г. Ревуненкова "Очерки по истории Великой французской революции 1789-1814гг." (М.1996г.) станет первым и пока единственным обобщающим трудом по истории Революции. Поскольку и кандидатская ("Политический кризис 1862 г. в Пруссии" 1937 т.), и докторская ("Польский вопрос и дипломатическая борьба в Европе в конце 50-х и начале 60-х годов XIX в." 1951 г.) диссертации ленинградского профессора не имели ничего общего с Францией, в профессиональной корпорации франковедов это долгое время вызывало скептическое отношение к его работам, однако ныне во многих учебных заведениях Революцию изучают именно "по Ревуненкову".¹

Как известно, долгое время советские историки датировали окончание Французской революции 1794-м годом. Логика понятна: термидорианский переворот однозначно считался контрреволюционным: Лишь, в 1970-1980 годы ряд специалистов, не выходя за рамки советской концепции, стали высказывать несколько иную точку зрения: «Великая французская революция пережила фазы: 1789-1794 гг., когда были совершены ее великие деяния, - фаза восходящего, и 1794-1799 гг. – нисходящая фаза, в которую революция вступила 9 термидора». Для историков, придерживающихся этой точки зрения, «победу буржуазной контрреволюции» ознаменовывал уже переворот 18 брюмера.²

Ныне доминируют две датировки: авторы, заканчивающие Революцию 1794г. как правило, объясняют это по-прежнему контрреволюционным переворотом, тогда как те, кто считает концом революции 1799г., обычно воздерживаются от объяснений. Исключением здесь служит работа В.Г.Ревуненкова, в которой история Революции доводится до 1815г. однако и

в ней нельзя найти объяснения такой периодизации. Более того, складывается впечатление, что для самого автора этот вопрос не до конца ясен: с одной стороны, он употребляет словосочетание «революционное десятилетие 1789-1799гг.», с другой – подчеркивает, что «наполеоновскую эру» (1799-1814гг.) «нельзя ни отождествлять с самой революцией, ни отрывать от нее»; называет 1799-1802 гг. «цезаристским завершением революции» и сам себе противоречит: «Революции конца XVIII в. и завершившая ее наполеоновская эпопея».³

Несмотря на всю остроту дебатов относительно якобинского периода

1С.Ф.Блуменау От социально-экономической истории к проблематики массового сознания. – Французская

историография революции конца XVIII века.(1945-1993г.) Брянск,1995г. стр.67

2 www.dissercat.com

3См.: Д.Ю.Бовыкин О современной российской историографии французской революции XVIII века. - Новая

и новейшая история. М.,2007г. №1 стр.62

революции, В.Г. Ревуненков использовал для объяснения общего хода событий во Франции конца XVIII в. одну и ту же социологическую схему: «феодально-абсолютистский строй - буржуазная революция – капитализм».¹

Как отмечал автор, «эта революция смела» отжившие средневековые порядки не только в самой Франции, но и далеко за ее рубежами, дав тем самым мощный импульс формированию новой социально-экономической системы - системы капитализма и буржуазной - демократии".² О том же самом писал в свое время и А.З.Манфред: "Французская революция сокрушила феодально-абсолютистский строй, до конца добила феодализм, "исполинской метлой" вымела из Франции хлам средневековья и расчистила почву для

капиталистического развития".³ Между тем, результаты проведенных за прошедшие 15-20 лет исследований ставят под сомнение эвристическую ценность именно методологической основы прежней историографической традиции – тех самых понятий советской идеологии, которые в равной степени использовались всеми участниками знаменитой дискуссии о якобинизме и которые, как показывает монография В.Г.Ревуненкова, до сих пор, еще находят применение в специальной литературе.

А.В. Чудинов одним из первых российских историков в своей статье подвергает критике применение В.Г.Ревуненковым одну и ту же социальную схему.⁴

1
С.Е.Летчфорд В.Г.Ревуненков против «московской школы»: дискуссия о якобинской

диктатуре.- Французский ежегодник 2002. М.,2003г. стр.207-222

2В.Г.Ревуненков Очерки по истории Великой французской революции. Л.,1996г. стр.34

3А.З.Манфред А.З.Французская буржуазная революция конца XVIII века.

М.1950г. стр.46

4А.В.Чудинов А Прощание с эпохой. - Вопросы истории. И.,1998г. стр.25

Одно из них, по мнению критика-"феодално-абсолютистский строй". Оно по-прежнему употребляется В.Г.Ревуненковым, как ранее А.З.Манфредом и другими советскими историками, в качестве обобщающей характеристики экономических и

политических порядков во Франции кануна революции. Для автора "Очерков" "феодално-абсолютистская Франция" и "Франция "старого порядка"" - синонимы.¹

Чудинов А.В. объясняет это тем, что: «в последнее время определение социально-экономического строя предреволюционной Франции в качестве "феодалного" вызывает вполне обоснованное недоумение. Об этом еще в 1988г. говорилось на "круглом столе", проведенном в Институте всеобщей истории, ставшем в некотором роде, поворотным пунктом в развитии новейшей российской историографии Французской революции: "Что же было феодальным во Франции XVIII в.? Какую из сторон жизни мы ни возьмем для рассмотрения, везде картина будет неоднозначной и не уместится в рамки определения "феодалного строя". Экономика была многоукладной, государство и общество также представляли собой сложное переплетение разнородных элементов". Хотя комплекс сеньориальных отношений просуществовал до самой революции, а в некоторых своих частях пережил и ее, он в XVIII в. уже никоим образом не играл определяющей роли в экономике. В экономически же развитых районах она была и того меньше. Основная же масса поступлений шла от капиталистических и полукapиталистических способов ведения хозяйства. Более того, отдельные элементы сеньориального комплекса, изначально имевшие феодальное происхождение, в указанный период наполнились новым

1 А.В.Чудинов Прощание с эпохой. - Вопросы истории. М.,1998г. стр.28

содержанием, фактически превратившись в инструмент первоначального накопления капитала. Все эти обстоятельства

служат достаточно веским обоснованием вывода, сформулированного одной из участниц (Пименова Л.А.) вышеупомянутого "круглого стола": "На современном уровне знаний у нас нет оснований характеризовать систему общественных отношений предреволюционной Франции в целом как феодальный строй".¹

Что касается второй части определения «феодално-абсолютистский», автор статьи учитывает, что власть французского короля была "абсолютной" лишь в принципе, в теории, но отнюдь не в реальности. Хотя Франция Старого порядка и не знала разделения властей, исторически здесь сложилась практика раздробления власти внутри системы традиционных государственных институтов. Так, например, парламенты имели не только судебные функции, но и участвовали в законодательстве через процедуру регистрации издаваемых монархом законов, порой довольно существенно меняя их содержание своими поправками. Обладали парламенты и некоторыми функциями исполнительной власти, имея в подчинении собственную полицию и активно вмешиваясь в дела текущей администрации. Хотя все государственные институты Франции исторически получили свои полномочия от короля, как единственного носителя власти, со временем некоторые из них добились фактически полной независимости от короны и получили возможность оказывать весьма эффективное противодействие ее политике.

Однако советские историки Французской революции нередко отождествляли принцип и практику абсолютизма, делая вывод о реальном законе, объявлять войну и заключать мир, решать по своему усмотрению все

¹Материалы «круглого стола». См.: Новая и новейшая история. М., 1989г. №1 стр.55

административные и судебные дела.¹ О том, сколь далеки подобные представления от действительности, свидетельствует история всех попыток реформ, предпринимавшихся королевской властью во второй половине XVIII века.

Далеко не столь бесспорным, выглядит сегодня, по утверждению Чудинова А.В. и применение для характеристики событий во Франции конца XVIII в. понятия "буржуазная революция". Кроме того, особенностью "ранних буржуазных революций", к которым относили и Великую французскую, признавалось то, что их "руководителем, гегемоном была буржуазия". Однако, в свете новейших исследований, подобные представления о "гегемоне" и "цели" Французской революции выглядят далеко не столь очевидными, как прежде.

На первый взгляд, активное участие буржуазии в событиях 1789-1799 гг. не требует особых доказательств. В XVIII в. термин "буржуазия" был хорошо известен современникам и применялся для обозначения более или менее определенного социального слоя, а именно - городских "верхов" третьего сословия, действительно давших революции многих ее лидеров. Но пользуясь понятием "буржуазия", по мнению А.В.Чудинова, историк должен четко представлять себе, что во Франции XVIII в. оно имело совершенно иной смысл, нежели тот, в котором позднее стало употребляться советской идеологией. А.В.Чудинов считает, что при Старом порядке буржуазия - это в основном юридическая и отчасти социокультурная категория. Так называли жителей городов, принадлежавших к третьему сословию, имевших вполне определенный правовой статус и отличавшихся от других социальных групп особым образом жизни.² В советской историографии понятие "буржуазия" имела прежде всего социально-экономическое содержание –

1А.В.Чудинов Прощание с эпохой. - Вопросы истории. М.,1998г.
стр.36

2Там же: стр.38

"Господствующий класс капиталистического общества, собственник средств производства, эксплуатирующий наемный труд, состоит из крупных, средних и мелких капиталистов". Фактически – это два принципиально разных понятия», обозначаемых общим термином "буржуазия". Однако советские историки, писавшие о Французской революции, как правило, употребляли данный термин, не проводя различий между двумя его вышеназванными значениями.

Тогда возникает вопрос у российских историков: Быть может эти два разных понятия в действительности относятся к одной социальной группе, отражая всего лишь различные стороны ее бытия?

Увы, это не так считает А.В.Чудинов, занятый предпринимательством экономически активный слой французского общества конца XVIII в. состоял не только из ротюрье, но в значительной степени также из представителей привилегированных сословий. Во-вторых, при Старом порядке формальная принадлежность того или иного лица к "буржуазии" отнюдь не предполагала его активного участия в экономической жизни. Напротив, с середины XVIII в. во французском обществе преобладало представление о буржуа, как о человеке, не занимающемся производительной деятельностью, пользующемся определенным достатком и живущем "на благородный манер", получая государственную или частную ренту. Таким образом, используя при изучении Французской революции понятие "буржуазия" в том смысле, который оно имела, историки фактически объединяют под общим названием две разных социальных группы.¹

Огромный материал, накопленный во второй половине 90-х гг. XX в. в

области экономической истории, заставляет по-новому взглянуть и на вопрос о связи революционных событий конца XVIII в. с дальнейшим развитием капитализма во Франции. Может показаться излишне оптимистичным вывод, отмечает А.В.Чудинов, еще сравнительно недавно разделявшийся многими

1 Материалы «круглого стола». - Новая и новейшая история. М., 2002 г. стр. 89
российскими историками, о том, что революция дала самый мощный импульс формированию новой социально-экономической системы - системы капитализма".¹ Торгово-промышленные круги французского общества не только не были "гегемоном" революции, но и оказались в результате нее едва ли на наиболее пострадавшей стороне. Посягательства на крупную собственность были неотъемлемым атрибутом массовых волнений революционной эпохи уже с самого ее начала (например, "дело Ревельона"). В эпоху Террора "негоциантизм" рассматривался как вполне достаточный повод для преследований, которым в качестве "спекулянтов" подверглись многие французские предприниматели. И, наконец, война и блокада фактически полностью уничтожили бурно развивавшуюся накануне революции заморскую торговлю.

Как видим, результаты проведенных в последние годы исследований свидетельствуют о невозможности убедительно объяснить, основываясь на классовом подходе и теории общественно-экономических формаций, причины, характер и историческое значение Французской революции XVIII в. Правда, современная российская историография пока не предложила взамен столь же цельную и всеобъемлющую интерпретацию революционных событий конца XVIII в., какая существовала в советской историографии. Однако уже в недалеком будущем она, очевидно, станет естественным результатом тех изменений в данной отрасли исторической науки, о которых А.В.Адо незадолго до кончины писал: «В литературе, посвященной истории

революции, видно обновление проблематики, ее диверсификация, стремление к более широкому видению Французской революции. Образ этой революции, который вырисовывается из работ последних лет, становится более многоликим, менее прямолинейным, более сложным и противоречивым. Видно стремление историков переосмыслить

1А.В.Чудинов Прощание с эпохой. - Вопросы истории. М.,1998г. стр.50

некоторые устоявшиеся оценки и схемы, унаследованные от нашего историографического прошлого. По существу, все сказанное позволяет, сделать вывод, что советская историография Французской революции завершила свое существование. На смену ей идет становление новой российской историографии Французской революции. Она не утрачивает преемственности с наиболее позитивным наследием историографии советской, но она принадлежит уже к иному времени и имеет свое особое лицо».¹

Эпоха советской историографии уходит в прошлое, оставляя нам свои лучшие достижения. Как показывает опыт, обобщающие труды по Французской революции имеют не только историографическое, но и гораздо более широкое, культурное значение. Сколь бы далеко не ушли вперед конкретные исследования, все равно сочинения А. Тьера, Ж. Мишле, А. Ламартина, Н.И. Кареева, П.А. Кропоткина, А.З. Манфреда и других выдающихся историков революции сохраняют непреходящую ценность как памятники исторической мысли своей эпохи.

Отсутствие определенной системы научных координат, методологического единства и четкой, никем не оспариваемой научной иерархии привело к тому, что ныне российская историография, подобно западной, весьма разнородна, и едва ли ее реально охватить взглядом в рамках

одной статьи. Однако в ней существуют определенные тенденции, которые можно проиллюстрировать рядом наиболее характерных примеров.

В конце 90-х годов велась активная разработка направлений, немислимых в советской историографии. Появились новые мышления о Вандее, Термидоре, идеологии контрреволюции, эмиграции и роялизме, масонах, национальной идее, "критическом" направлении в изучении Революции. В центр внимания исследователей попадают и новые персоналии, о которых раньше в России не писали или писали мало:

1А.В.Адо Письмо профессору Шен Ченсиню.- Вестник Московского университета. Сер.8 История.

М.,1996г. №5. стр.32

Ж. Неккер. Э. Бёрк, Л. Де Бональд, Э.Ж. Сийес, Ж. Малте дю Пан, Людовик XVI, Людовик XVII и Людовик XVIII. По большей части речь здесь идет о публикации статей. Монографий пока были подготовлены считанные единицы, и почти все они являлись результатом исследований, начатых в предыдущие годы. Этот факт сам по себе довольно любопытен, поскольку методологически такие исследования зачастую наглядно демонстрируют то переходное состояние, в котором находилась современная российская историография.¹

Одним из наиболее ярких примеров здесь, пожалуй, является исследования В. А. Погосьяна о перевороге 18 фрюктидора. Автор создавал ее в значительной степени в рамках классового подхода к истории Революции, накладывая социально-экономическую сетку координат на политические события 1797-года и предшествующих годов.²

Его интересовала не только событийная канва этого периода, но и вопросы социальной опоры правительства Директории, роль буржуазии в изменении политического климата во Франции, экономические причины складывания напряженной атмосферы в обществе. Введенные в оборот

неизвестные документы из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) выглядят не приятным дополнением, а неотъемлемой частью исследования. Действительно, в истории Революции существует немало тем, где взгляд со стороны обогащает наше понимание происходивших событий. Словом, монография В.А.Погосяна представляется полезным и увлекательным исследованием, полностью вписывающимся в существующую сегодня тенденцию роста интереса к контрреволюции. Особенно любопытной видится демонстрация автором неуклонно

1С.Е.Летчфорд Вандейская война 1793-1796гг. Некоторые теоретические проблемы. - Саратов,1998г.,

стр.59-81 А.В.Чудинов Масоны и Французская революция: дискуссия длиною в два столетия. - Новая и

новейшая история. М.,1999г. №1 Д.Ю.Бовыкин Год 1795:несостоявшаяся реставрация. - Ф.Е 2002.

М.,2003г. стр.34-74

2В.А.Погосян Переворот 18 фрюктидора V года во Франции. Ереван,2004г.

возраставшей в годы Директории роли армии, которая рассматривается им в качестве едва ли не единственной силой, способной противостоять наступлению роялизма.

Наряду с использованием достижений советской историографии труд В.А. Погосяна, по мнению Д. Ю. Бавыкина несет на себе и определенный ее груз.¹ Он считает, что классовый подход порой заставляет автора излишне сгущать краски: вряд ли можно согласиться, например, с утверждением, что "выработанная термидорианской буржуазией конституция III года отвечала исключительно интересам буржуазии". По утверждению Д.Ю.Бавыкина, примечательно также то, что почти все герои исследования автору книги не симпатичны: «у роялистов нет вождей - только "главари", их пропаганда "представляла события в кривом зеркале" (можно подумать, что у

республиканцев оно было "прямым"), сторонники Людовика XVIII "полностью игнорировали интересы большинства французского народа".²

Следуя за общей историографической тенденцией, В.А.Погосян довольно жестко противопоставляет "абсолютистов" конституционным монархистам, однако взаимная неприязнь, зачастую существовавшая на личном уровне, обычно не означала конфронтации между течениями, поскольку в основной массе и для тех, и для других единственным законным монархом оставался Людовик XVIII, а "абсолютисты", как правило, уже не выступали за реставрацию неограниченной монархии. Столь же спорной представляется и оценка восстания 13 вандемьера IV года как роялистского.³ Эта традиция укоренилась в историографии с подачи одержавшего победу Конвента, но до сих пор не нашла убедительного подтверждения, о чем писал еще Н.И.Кареев. Однако все это не отменяет общего положительного впечатления от монографии В. А. Погосяна, а обнаруженные им в архивах

1Д.Ю.Бовыкин О современной российской историографии французской революции XVIII века. - Новая и новейшая история. М.,2007г. №1 стр.65

²Там же: стр.66

3В.А.Погосян Переворот 18 фрюктидора V года во Франции. Ереван,2004г. стр. 254

сведения о наличии неизвестного доселе историкам полка французских эмигрантов в Испании можно по праву назвать открытием.

Даже беглый анализ книги В.А.Погосяна показывает всю полифоничность происходящего в отечественной историографии процесса смены сюжетных приоритетов. И этот процесс становится еще более многофакторным, если принять во внимание, что изучение Французской

революции "слева" или "снизу" отнюдь не ушло в прошлое, хотя и претерпело определенные изменения.

Совсем с иной точки зрения представляется любопытной и во многом показательной дипломная работа студентки, а ныне старшего преподавателя РГГУ Е.В.Смирновой, отобранная для публикации отдельной книгой в частности, за «творческий замысел и способ его реализации».¹ Что касается замысла, то он действительно не может не впечатлять: разрабатывая вполне традиционную для советской историографии тему "Сен-Жюст и феномен якобинизма", автор солидаризируется с уже звучавшей у ее предшественников идеей о существовании соперничества между Сен-Жюстом и Робеспьером и даже приходит к выводу о превалировании первого над вторым. Сен-Жюст весной 1794г. предстает в монографии как "самостоятельный политик, сильный, властный, волевой, обладавший к тому же универсальными способностями для управления государством, во всяком случае, в такое бурное время", как член Комитета общественного спасения, имевший "реальный контроль над ключевыми вопросами политики (армия, продовольствие, финансы, полиция, идеология)", "не боявшийся крови, уверенный, властный, не привыкший проигрывать". Робеспьер же, по мнению Е.В. Смирновой, "не обладал ни административными способностями государственного мужа, ни решительностью и волей революционного деятеля".²

1Е.В.Смирнова Сен-Жюст: прагматизм против утопии. М.,2003г.

2Там же: стр.217-219

Д.Ю.Бавыкин по поводу данной работы отмечает, что: «в выдвижении любой, даже самой смелой гипотезы нет ничего предосудительного, проблемы начинаются в тот момент, когда читатель сталкивается с

реализацией замысла автора: его системой доказательств, источниками, на которые он опирается, мнениями современников, которым он доверяет».¹

Д.Ю.Бавыкин начинает с того, что один из главных источников Е.В. Смирновой - труды самого Сен-Жюста - хранит по поводу его соперничества с Робеспьером полное молчание. Когда же автор пытается к нему прибегнуть, толкование речей Сен-Жюста кажется порой настолько спорным, что вызывает больше вопросов, нежели дает ответов. Так говоря о ситуации вокруг 9 термидора, автор работы приводит несколько цитат из Сен-Жюста, сопровождая их своими комментариями. "Я не принадлежу ни к какой фракции, я буду бороться с любой из них", - эти слова Сен-Жюста автор трактует следующим образом: Сен-Жюст "сразу же обособляется от остальных, даже от Робеспьера, занимая тем самым позицию беспристрастного и справедливого арбитра".² Однако хорошо известно, что неприятие всех и всяческих фракций и партий - общее место революционного дискурса, поскольку считалось, что они подрывают народный суверенитет. Тот же Робеспьер вопрошал с трибуны Конвента: "К какой клике я принадлежу? Это вы сами". Другая цитата из последней речи Сен-Жюста: "Я защищаю его (Робеспьера. - Д.Б.), потому что он кажется мне безупречным, и я обвинил бы его, если бы он стал преступником". "Сен-Жюст, - комментирует Е.В. Смирнова, - снова подчеркивает свою роль - не адвоката, как может показаться с первого взгляда, а судьи. Робеспьер для него не подзащитный, он - подсудимый. Возможность совершения им преступления вовсе не отрицается, более того, она вполне вероятна". Что

1Д.Ю.Бавыкин О современной российской историографии французской революции XVIII века. - Новая и

новейшая история. М.,2007г. №1 стр.67

2Е.В.Смирнова Сен-Жюст: прагматизм против утопии. М.,2003г. стр.223

именно в этой совершенно невинной фразе Сен-Жюста навело автора на подобные размышления, не понятно. Даже поверхностное знакомство с ораторскими приемами эпохи показывает, что аналогичный ход использовался многими ораторами, включая Робеспьера. "Если есть привилегированные заговорщики, - говорил он, накануне, - я согласен предписать себе вечное молчание на их счет".¹ Это, разумеется, не означало, что Робеспьер действительно предполагал существование такой группы заговорщиков или собирался замолчать навечно.

Поскольку за пределами анализа текстов Сен-Жюста Е.В. Смирнова не вводит в научный оборот никаких новых документов, а лишь определенным образом компонуется те оценки историков и мысли современников, которые уже звучали в историографии, в стократ возрастает значение аккуратного и критичного обращения с текстами, а это, увы, удастся автору далеко не всегда.² Ограничимся несколькими примерами: автор решительно отвергает свидетельства (в частности, депутата Конвента М.-А. Бодо) о существовании «триумвирата робеспьеристов», поскольку они исходят от термидорианцев, однако за подтверждением тезиса "Сен-Жюст превратился в опасного соперника Робеспьера" Е.В. Смирнова обращается в том числе к тем же самым термидорианцам М.-А. Бодо и Б. Бареру. Небезынтересно, что она опускает вторую половину свидетельства Бодо: «Сен-Жюст совершенно не был достаточно известен; его умение вести полемику (впрочем, искусное и энергичное) могло послужить лишь небольшому числу мыслителей, видимо, потому, что это несомненная клевета злобного термидорианца на ее героя. На самом деле отгадка встречающегося у термидорианцев противопоставления Робеспьера и Сен-Жюста весьма проста: при том, что одни именовали их обоих вкупе с Ж. Кутоном "триумвирами", другим казалось более выгодным

1Е.В.Смирнова Сен-Жюст: прагматизм против утопии. М.,2003г. стр.221

2Д.Ю.Бовыкин О современной российской историографии французской революции XVIII века. - Новая и

новейшая история. М.,2007г. №1 стр.68

представить Робеспьера одиночкой. Это позволяло избежать постановки вопроса о коллективной ответственности членов Конвента. На каждую цитату, в которой Сен-Жюст предстает соперником Робеспьера, можно без труда найти другую цитату, где они будут выглядеть союзниками и единомышленниками. К примеру, тот же Барер, выступая в Конвенте, говорил о плане робеспьеристов разделить страну, в соответствии с которым "Сен-Жюст обладал бы всеми полномочиями на Севере, Кутан и Робеспьер-младший умиротворяли бы Юг, Робеспьер-старший правил бы на куче трупов в Париже». Словом, стремление учитывать лишь те свидетельства, которые укладываются в концепцию автора, кажется очень сомнительным.¹

Помимо позднейших свидетельств современников, свою концепцию Е.В. Смирнова основывает по большей части на написанных ранее книгах о самом Сен-Жюсте. Ссылками на них автор подтверждает множество необычных деталей своего повествования: Робеспьер вошел в Комитет общественного спасения, поддавшись на уговоры Сен-Жюста; он "почти до неузнаваемости изменился после знакомства с Сен-Жюстом, переняв даже слова и жесты последнего"; "Робеспьер привык выстаивать советы от Сен-Жюста: почти очевидно, что он привык принимать их"; Сен-Жюст мог в термидоре "разыграть свою собственную партию и, пользуясь престижем, приобретенным им в армии, держаться в стороне и спасти свою голову". Вряд ли подобные утверждения можно счесть доказательствами выдвинутой автором гипотезы, убеждается Д.Ю.Бавыкин, и в итоге к целому ряду революционных мифов добавляется еще один - миф о Сен-Жюсте.²

Таким образом, рассмотренный выше оценочный и методологический «плюрализм» мнений свидетельствует о том, что российская историография вступила на совершенно новый научно-исследовательский уровень, где

1Е.В.Смирнова Сен-Жюст: прагматизм против утопии. М.,2003г. стр.234

2Д.Ю.Бовыкин О современной российской историографии французской революции XVIII века. - Новая и

новейшая история. М.,2007г. №1 стр.68

присутствует свобода тематического и методологического выбора. Избирает ли историк для себя марксистской (В.Г.Ревуненков) или цивилизационный (А.В.Гордон) подход либо заявляет в качестве методологической основы своей работы «новую интеллектуальную историю» -это его право.

Существующая переходная ситуация в определенной степени отражает и состояние современного российского общества. Изменение отношения к Революции и к ее лидерам объясняется тем что, на одних оказала влияние сама эпоха перемен, на других – возможность ознакомиться с недоступными ранее исследованиями или документами, третьи смогли наконец поделиться размышлениями, которые вызревали у них давно.

II.2. НА РУИНАХ ПАМЯТИ: о новейших российских изданиях по истории Французской революции XVIII в.

Деление существующих в обществе представлений о прошлом на «историю» и «память» пока не получило широкого распространения в российской научной литературе. Такое деление при изучении российской историографии может быть чрезвычайно полезным. Ведь целые ее разделы на протяжении длительного времени являли собою территорию почти безраздельного господства исторической памяти, практически недоступную для критического анализа. Во многом именно таковой была советская историография Французской революции XVIII

века. По крайней мере, на эту мысль наводит чтение новейших работ российских историков, посвященных данному событию.

Тема монографии главного научного сотрудника ИНИОН РАН д.и.н.

А.В.Гордона - бурная и трагическая история становления советской историографии Французской революции.¹ Впрочем, жанр этой книги едва ли можно определить как сугубо историографический. Автор не только анализирует труды предшественников, но и детально воспроизводит тот идейно-политический контекст, в котором эти труды создавались.

В данном отношении у старейшего на сегодняшний день члена сообщества российских историков Французской революции Чудинова А.В., есть огромное преимущество перед своими более молодыми коллегами - опыт личного общения с теми учеными старшего поколения, кто стоял у истоков советской историографии и кому удалось дожить хотя бы до 50-х годов, когда началось профессиональное становление самого автора.²

¹ А.В.Гордон Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918-

1941гг. Саратов, 2005г.

² А.В.Чудинов Французская революция: история и мифы. М.,2007г. Ч. 1 Гл. 2 стр. 124

Автор книги стремится ответить на поставленные перед ним вопросы: какая же из этих тенденций отношения к предшествующей традиции - объективная преемственность или субъективное отторжение - оказалась определяющей для молодой советской историографии? Сумела ли стать наследницей «русской школы», если и не превзойдя ее по качеству исследований, то хотя бы сохранив прежний уровень? И смогла ли избежать опасности оказаться из-за своего стремления писать историю с чистого листа в положении амбициозного, но вечно догоняющего ученика?

Ответы автора книги, по мнению другого историка Чудинова А.В., столь же противоречивы, как и описанная им ситуация и аргументирует это

следующим образом: «во многом эта противоречивость определяется той личной его приближенностью к предмету исследования, которая в ином контексте оборачивалась преимуществом. Знакомство, в одних случаях непосредственное, в других - опосредованное рассказом близких людей, с историками 20-х годов, чьи труды он теперь анализирует, вызывает у автора вполне естественное желание подчеркнуть сильные стороны их творчества и защитить от возможного умаления их научных заслуг. «Распространившиеся после 1991г. представления о дилетантстве советских историков 20-х годов и примитивности их работ (доходящее до отрицания самой научности) я нахожу некорректными», - решительно заявляет А.В. Гордон. Порою это по-человечески вполне объяснимое стремление воздать должное предшественникам принимает даже слегка утрированную форму, когда, например, пропагандистское и далеко не безупречное в плане изложения фактов сочинение Н.М.Лукина «Максимилиан Робеспьер» автор аксиоматически объявляет «полноценным научным исследованием».¹

¹. www.dissercat.com

Впрочем, по мере знакомства с текстом книги все чаще ловишь себя на мысли, что, раз за разом повторяя тезис о «научности» ранней советской историографии Французской революции, Гордон А.В. борется не столько с ее гипотетическими недоброжелателями, сколько... со своими собственными сомнениями. Характерно, что в приведенной выше фразе относительно «распространившихся после 1991г. представлений о дилетантстве советских историков 20-х годов» нет никаких имен. Действительно, это число исследований о Французской революции, вышедших в России за последние полтора десятка лет, относительно невелико утверждает Чудинов А.В., насколько ему известно, автор ни одного из них не высказывал столь широкого, обобщающего суждения обо ВСЕХ историках 20-х годов, хотя бы

потому, что до сих пор никто незанимался изучением В ЦЕЛОМ советской предвоенной историографией данной темы. Высказывание же о «распространенности» подобных представлений, похоже, и вовсе всего лишь риторический оборот.¹

В самом деле, что давало основание представителям формирующейся советской историографии свысока смотреть на «русскую школу» и пренебрежительно отмахиваться от ее наследия? Может быть, они превосходили своих предшественников в профессиональной подготовке? Едва ли, считает Чудинов А.В.² Может в таком случае, исследователи обладали более широким кругом источников, чем их дореволюционные коллеги, и соответственно строили свои выводы на значительно более солидном фактологическом основании? Опять же нет, утверждает Чудинов А.В. Представители «русской школы» годами работали в центральных и

¹ А.В.Чудинов Французская революция: история и мифы. М.,2007г. Ч. 1 Гл. 2 стр.132

² Там же: стр.138

департаментских архивах Франции, тогда как у советских историков лишь в самом конце 20-х годов появилась возможность посещать Париж на относительно краткий срок, да и та просуществовала недолго. Иначе говоря, сравнение профессионального потенциала «русской школы» и молодой советской историографии складывается явно не в пользу последней. И, тем не менее, начинающим историкам было свойственно высокомерно-нисходящее отношение к предшественникам.¹

Таким образом, новизна вклада советской историографии в разработку данной темы сводилась во многом к *РЕИНТЕРПРЕТАЦИИ* фактов установленных в рамках традиционных подходов. А.В. Гордон так пишет об этом: «Убежденность в абсолютном методологическом превосходстве диктовала, казалось бы, превращение формирующейся концепции советских историков в прямую противоположность той, что существовала в «буржуазной историографии» революции XVIII в. Однако реальность оказалась гораздо более нюансированной. Радикально-новаторские принципы носили преимущественно полемический характер и становились большей частью заявлением о намерениях, а фактура работ зачастую бывала достаточно традиционной; и в воссоздание общей канвы революционных событий советские историки 20-30-х гг. не внесли больших изменений».²

Вместе с тем, вера в исключительность и непогрешимость советского метода предполагала возможность найти с его помощью некое единственно верное (истина всегда одна!) объяснение любому историческому, явлению, в данном случае - Французской революции.

Начало стремительному наступлению идеологии на последние оазисы науки - А.В. Гордон в своей книге, образно именуется этот процесс

¹ www.twirpx.com

² А.В.Гордон Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918-1941гг. Саратов, 2005г. стр. 28

«великой перековкой» - положило «академическое дело».¹ Идеологическое прикрытие репрессиям советских карательных органов противученых дореволюционной формации обеспечила кампания изобличения историками советами «буржуазных ученых». Она привела не только к вытеснению иных, отличных от советского интерпретаций истории (в частности и не в

последнюю очередь истории Французской революции), но и к «кристаллизации» самого канона. На смену более или менее свободным поискам и плюрализму подходов, в большей степени потенциальному, чем реальному, утверждалась «генеральная линия». Возникало соответственно явление вброса методологической установки извне в качестве окончательного (на данный политический момент) решения исторической проблемы и разрешения историографических расхождений. Историки приучались мыслить в установочных категориях «как надо».²

После 1991г. прежний, политически ангажированный интерес к Французской революции испарился в мгновение ока. Широкой публике сегодня, по большому счету, безразлична как ее критика, так и ее апология. Едва ли не впервые в российской истории данная тема осталась предметом сугубо академического интереса. И на руинах исторической памяти об этом событии появились первые всходы научных исследований, посвященных сюжетам, которые для прежней

истории-памяти были не слишком «удобны». Среди таких «неудобных» сюжетов в первую очередь, пожалуй, следует назвать тему Термидора. После публикации в 1949г. ограниченным тиражом книги одесского историка К.П. Добролюбского исследований на данную тему

¹. А.В.Гордон Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918-

1941гг. Саратов, 2005г. стр. 67

². Там же: стр. 68

советскими историками практически не проводилось, некоторые аспекты экономической и политической жизни Франции после 9 термидора рассматриваются в связи с идейной эволюции Бабефа. Авторы же обобщающих работ, упоминая о термидорианском периоде Французской революции, обычно ограничивались воспроизведением ряда стереотипных клише, кочевавших из книги в книгу.¹

Учитывая вышесказанное, нетрудно понять тот интерес, с которым российское научное сообщество встретило выход в свет монографии доцента исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, к.и.н. Д.Ю. Бавыкина об итогах Термидора.² Работа Д.Ю. Бавыкина выполнена на основе широкого круга источников из французских архивов, ничуть не уступая в данном отношении трудам зарубежных коллег. Более того, она «вписывается» в общий спектр идущих в мире исследований по термидорианской тематике. Причем, основные положения книги Д.Ю. Бавыкина, нашедшие отражение в его статьях на французском языке, уже получили признание в международной историографии.

И, тем не менее, эта книга, не уступает по своему уровню лучшим зарубежным образцам, автор, освещая тот или иной аспект политической жизни термидорианской Франции, явно принимает во внимание соответствующие клише советской исторической литературы и ненавязчиво позволяет читателю сравнивать их с теми реалиями, которые удастся реконструировать путем анализа источников.

Один из таких стереотипов Бавыкин Д.Ю. определяет как «миф о конце Революции». Мнение о том, что переворот 9 термидора ознаменовал собой завершение Французской революции и наступление эпохи контрреволюции, высказывалось еще некоторыми

¹. Материалы «круглого стола». - Новая и новейшая история. М., 2002г. №1 стр. 223

². Д.Ю.Бовыкин Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005г.

современниками этих событий, правда, в основном теми, кто занимал место на крайне левом фланге политического спектра.

Подобную «неполноценность» пост-термидорианского периода Французской революции обычно связывают с «термидорианской реакцией» - понятием, которое, отмечает Д.Ю. Бовыкин, солидаризируясь в этом с А. Оларом, представляет собою еще одно клише, употребляемое потому что «так принято», но, в действительности, не имеющее под собой никаких оснований.¹

Анализируя различные аспекты явления, определяемого как «термидорианская реакция», автор доказывает, что ни один из них не может трактоваться в качестве отступления от принципов 1793 года. Более того, по многим направлениям революция в этот период, напротив, даже углублялась и укоренялась. Если термин «реакция» и применим к действиям термидорианской власти, считает Д.Ю. Бавыкин, то лишь в том смысле, в каком его употребляли современники - без негативного оттенка, для обозначения противодействия некому действию: «акция» - «ре-акция». «Термидорианский Конвент, - пишет автор книги, - по многим направлениям проводил политику, ставшую РЕАКЦИЕЙ на Террор, на вмешательство государства в экономику, на политику монтаньяров, в целом; часть того, что было сделано в 1793-1794 годах, с негодованием отвергалась. Однако в этом смысле и саму диктатуру монтаньяров можно назвать реакцией, например, по отношению к работе Учредительного и Законодательного собраний».²

Исследование, проведенное Д.Ю. Бавыкиным, само по себе служит убедительным опровержением многих из тех стереотипных характеристик Термидора, которые бытовали в советской исторической

¹. Д.Ю.Бовыкин Революция окончена? Итоги Термидора. М.,2005г. стр.45

². Там же: стр.47

литературе. Если профессор Женевского университета Б. Бачко детально проанализировал процесс утверждения термидорианцев у власти, сопровождавшийся разрушением машины Террора, то российский историк самым подробным образом рассматривает их последующую созидательную деятельность - работу над Конституцией III года Республики.

В своей книге Д.Ю. Бавыкин не только воссоздает коллективный портрет Конвента наряду с яркими персональными зарисовками наиболее видных его членов, но и дает эту картину в движении, наделяя ее своего рода кинематографичностью. По мере развития дебатов о конституции и сопровождавших их событий происходила идейная эволюция всего Конвента и отдельных депутатов, как постепенно они расставались с идеализмом абстрактных теорий, отдавая предпочтение прагматике. Нередко к таким сугубо прагматическим решениям их подталкивало мнение избирателей, к которому творцы новой конституции, надо заметить, чутко прислушивались. Утверждая это, автор книги опирается на такой впервые вводимый им в научный оборот источник, как письма избирателей в Комиссию одиннадцати, занимавшуюся разработкой основного закона страны: «они являлись для депутатов определенным индикатором общественного мнения, позволившим выявить наиболее популярные в обществе идеи, многие из которых вошли впоследствии в текст конституции».¹

«Если же читатель прежде черпал сведения о термидорианском периоде Французской революции исключительно из советской исторической литературы, то столь близкое «знакомство» с творцами Конституции III года принесет ему не только удовольствие от познания

¹. Д.Ю. Бовыкин Революция окончена? Итоги Термидора. М.,2005г. стр. 58

нового, но, и приятное удивление: «у них мало общего с расхожим образом депутатов термидорианского Конвента, кочующим по страницам книг и учебников - серых, продажных личностей, мечтавших

исключительно о власти и наживе. Участники дискуссии, и в особенности члены Комиссии одиннадцати, предстают перед нами как умелые и прагматичные политики, искусные ораторы, опытные полемисты». ¹

Прошлое, реконструированное исторической наукой, оказывается гораздо сложнее и многограннее схематичных образов исторической памяти.

Еще одной темой, табуированной для советской историографии по идеологическим мотивам, была тема Вандейского восстания. С крушением прежней системы идеологических ограничений стало возможным научное исследование данного сюжета, о чем свидетельствует монография доцента Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, к.и.н. Е.М. Мягковой.²

Свою работу Е.М. Мягкова посвятила одному из самых сложных и дискуссионных аспектов темы, а именно - причинам и предпосылкам восстания. Для советских историков, стиснутых узкими рамками идеологических стереотипов, было практически невозможно дать сколько-нибудь убедительное объяснение тому, почему вандейские крестьяне вели столь отчаянную борьбу против Конвента, который, согласно канонической советской интерпретации, проводил аграрную политику именно в интересах крестьянства. «И если в 30-е годы советские историки еще довольствовались предложенным самими революционерами XVIII в. объяснением вандейского восстания как

¹. Д.Ю.Бовыкин Революция окончена? Итоги Термидора. М.,2005г. стр. 74

².Е.М.Мягкова Необъяснимая Вандея: сельский мир на западе Франции в XVII-XVIII веках. М.,2006г.

результата подстрекательской деятельности дворян и священников, сумевших увлечь за собой «темных, невежественных, фанатично настроенных» обитателей «медвежьих углов», то в послевоенный период ведущие советские ученые нередко предпочитали вообще обходить данный вопрос молчанием, нежели повторять эту устаревшую трактовку, отвергнутую французскими историками как неубедительную еще в начале XX в.

«Классические труды А.З. Манфреда, В.Г. Ревуненкова, А.В.Адо,- отмечает Е.М.Мягкова,-полна поразительным «молчанием» о выпадавшем из привычной схемы сюжете».¹

Проведенное самой Е.М. Мягковой исследование свободно от какой бы то ни было идеологической или методологической ограниченности. Широко привлеченный исследовательницей круг источников, включающий в себя, помимо прочего, сотни документов из архива департамента Вандея.

Читатель книги имеет возможность совершить вместе с автором увлекательное путешествие в мир традиционных верований, представлений и обычаев сельских жителей Нижнего Пуату и убедиться, что «черная легенда» о какой-то особой «дремучести», каком-то особом фанатизме населения региона, получившего при Революции печальную известность как департамент Вандея, не имеет под собой никаких реальных оснований.²

Е.М.Мягковой в своей работе удалось, достаточно убедительно показать: кровавые события в Вандее эпохи Революции едва ли возможно объяснить какой-либо одной-единственной причиной.

Очевидно, они были результатом совпадения - своего рода «резонанса»
- целого ряда кризисных явлений разной временной

¹. Д.Ю.Бовыкин О современной российской историографии Французской революции XVIII века. -

Новая и новейшая история. М.,2007г. стр. 65

². Е.М.Мягкова Е.М. Необъяснимая Вандея: сельский мир на западе Франции в XVII-XVIII веках.

М.,2006г. стр. 215

протяженности, что и обусловило беспрецедентный размах и остроту социальных потрясений в этой части Франции, принявших форму ожесточенной гражданской войны. «В обстановке острого политического конфликта весны-лета 1793г. из обычного контрреволюционного восстания монтаньяры НАМЕРЕННО создали гражданскую войну, использовав ее для дискредитации жирондистов, не оказавших противодействия крестьянскому движению. 17 октября 1793г. восставшие потерпели сокрушительное поражение. Однако разгоревшаяся в Конвенте ожесточенная борьба группировок стимулирует создание «адских колонн» Л. Тюрро, и старое оружие вновь пускается в ход, теперь уже против «снисходительных».¹

Иными словами, и здесь картина минувших событий, воссозданная средствами научного исследования, оказывается значительно богаче красками, полутонами и нюансами, чем схематичные, черно-белые образы исторической памяти.

Существует не так много сюжетов, в разработке которых российские историки Французской революции могли бы на равных конкурировать со своими французскими коллегами. В разработке тех аспектов революционной истории, которые обеспечены источниками, находящимися в российских

архивах (например, биография Бабефа или французская эмиграция), российские специалисты способны не только состязаться на равных с зарубежными, но и опережать их, выступая первооткрывателями.

Именно такая возможность открылась перед российскими историками в конце 90-х годов, когда они получили доступ к документам масонских лож Франции, хранившимся в московском

¹. Е.М.Мягкова Необъяснимая Вандея: сельский мир на западе Франции в XVII-XVIII веках.

М.,2006г. стр. 222

Особом архиве (ныне его фонды находятся в Российском государственном военном архиве), российские историки получили уникальную возможность изучения неизвестных страниц истории французского масонства, в том числе кануна и периода Революции XVIII в.¹

Сегодня в изучении масонской тематики российские франковеды все еще пребывают на этой начальной стадии, в отличие, например, от русистов, которые уже в 90-е годы перешли к исследовательской разработке истории российского масонства. В данной связи нельзя не приветствовать выход в свет объемистой книги доцента исторического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, к.и.н. С.Е.Киясова «Масоны и век Просвещения»², которая, поспособствовала активизации подобного обсуждения.

Работа С.Е.Киясова отвечает всем требованиям научно-популярного жанра: хорошее знание аналогичной зарубежной литературы, яркий литературный стиль, широкие хронологические и географические рамки.

Без большого преувеличения книгу СЕ. Киясова можно назвать популярной энциклопедией масонства, так как она знакомит читателя

практически со всеми основными вехами истории «вольных каменщиков» в различных частях земного шара на протяжении последних трех столетий, в том числе с некоторыми фактами их участия в Американской и Французской революциях, дает общее представление об идеологии и ритуалах Ордена.

Эта книга была оценена российскими историками на самом высоком уровне, так как именно его усилия направили

¹. А.В.Чудинов Масоны и Французская революция XVIII века: дискуссия длиною в два столетия.-

Новая и новейшая история. М.,1999г. стр. 97

². С.Е.Киясов Масоны и век Просвещения: становление интеллектуального феномена. Саратов, 2006г.

напопулярризацию масонской проблематики, на ее активное обсуждение. На этом, первичном уровне данная книга является, необходимым условием перехода нашей историографии в будущем на уровень исследовательской разработки темы.¹

Свой обзор мне хотелось бы завершить на оптимистической ноте. Судя по рассмотренным выше работам, сколь бы разными по тематике и технике исполнения они ни были, российская историография успешно преодолела трудный период крушения прежнего образа Французской революции, принадлежавшего в основном к домену исторической памяти. Появившиеся на его руинах ростки научного подхода к освещению этого события вполне жизнеспособны и сулят обильные плоды.

Различие между исторической памятью и историей-наукой один известный ученый сформулировал следующим образом: «Память-это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы. История-это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет.

Память-это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же-это репрезентация прошлого».

¹. Д.Ю.Бовыкин О современной российской историографии Французской революции XVII века.-

Новая и новейшая история. М.,2007г. стр. 68

П.3. Французская революция во взглядах А.В.Чудинова.

История Французской революции, из которой черпали вдохновение и аргументацию представители самых различных политических убеждений - от марксистов до анархистов, с годами обросла мифами, которые оказались тем прочнее, чем выше был научный или идеологический авторитет их создателей и «ретрансляторов».

Известный историк Французской революции Р. Кобб, стремившийся создать у читателя своих исследований «эффект присутствия», как-то написал: «Главная цель историка — оживить мертвых. Как похоронных дел мастер, он может позволить себе несколько профессиональных ухищрений. Подобная позиция человека, считающего историю не «строгой» наукой, а художественным творчеством и позволяющего себе, когда данные источников не

поддаются желаемым манипуляциям, «слегка переосмыслить тексты», - это собственно даже не мифологизация, ибо автор не скрывает своей позиции. Мифы, о которых пойдет речь ниже, имели (и имеют) ярко выраженную и даже агрессивную «научную окраску», они не допускают и доли авторской самоиронии к результатам своего творчества.

Разрушение историографических мифов Французской революции уже имеет свою, пока еще небольшую, традицию, заложенную знаменитой лекцией английского историка А.Коббена «Миф Французской революции», прочитанной в 1954г. с успехом поддержанную современным французским историком П. Генифе, а из российских — доктором исторических наук, ведущим научным сотрудником ИВИ РАН А.В.Чудиновым в его работе «Французская революция: история и мифы».¹ Книга А.В.Чудинова на протяжении

¹ А.В.Чудинов Французская революция: история и мифы. М.,2007г. четверти века занимающегося историей революции, — некий (вероятно, промежуточный) итог его исследовательских усилий и методологических рефлексий.

Оригинальность авторского подхода, точнее — нетрадиционность основной авторской установки, проявляется уже в эпиграфе книги, свидетельствующем о том, насколько посеянные ветрами постмодернизма, споры релятивизма проникли в сферу российских исследований по Французской революции, сферу, остававшуюся очень долгое время для историографии России заповедной: методологические установки авторов колебались. Споря друг с другом, историки все время повторяли ранкеанское: «Вот, как оно было на самом деле»... А тут вдруг серьезный ученый помещает в эпиграф утверждение Г. Миллера: «история не ведает ни реальности, ни достоверности».¹

Автор берет на себя весьма ответственную роль ниспровергателя «прописных истин», но делает это без излишней пафосности, поделовому. «Критический анализ едва ли не любого из освященных традицией историографических стереотипов способен принести самые неожиданные результаты».²

А.В. Чудинов призывает «определиться с терминами», в том числе и с такими привычными как «феодализм», «абсолютизм», «буржуазия». Комментируя книгу Чудинова А.В., А.В. Гладышев отмечает о том, что «автор отважился и усомниться самому, и поддержать тех, кто усомнился ранее. Такой, казалось бы, «наивный» подход приводит нас к весьма неожиданным результатам».³

Книга А.В.Чудинова состоит из трех частей. Первая часть объединяет ряд очерков по историографии Французской революции (общий обзор Российской историографии XIX — начала XX вв.,

¹ Цит по: А.В.Чудинов Французская революция: история и мифы. М., 2007г. стр. 5

² Там же: стр. 8

³ А.В.Гладышев Размышления над книгой А.В.Чудинова. – Вопросы истории. М., 2007г. №10 стр. 51

детальный разбор сочинений Н.М.Лукина и анализ концептуальной советской формулы: буржуазная революция разрушила феодально-абсолютистский строй и открыла дорогу капитализму).

Автор рассматривает революцию как явление «исторической памяти», что позволяет ему представить ее и как «явление русской культуры», и как часть «исторической памяти русской интеллигенции».¹ Речь идет о том, что русские вольнодумцы и либералы всех мастей,

начитавшись французских авторов, придумали идеализированный образ «Великой Французской революции». Русские историки были здесь «не слишком беспристрастны».²

Действительно, дает подтверждение выше сказанному Гладышев А.В.: «еще М.Ф. Орлов называл Французскую революцию — «Великой эпохой», эпохой человека и разума, но это не освобождало ее от критики. Полностью одобряя Декларацию прав человека и гражданина 1789г., — «правила французской революции», — М.Ф.Орлов отвергал якобинскую диктатуру, считая ее «великим бедствием» в истории революции. Конечно, говорить за всю «русскую культуру» да и даже за всю «русскую интеллигенцию» весьма проблематично. Каждый найдет в истории то, что захочет в ней найти! На практике речь идет о памяти вполне конкретной социальной группы. Да, «революция-праздник» была не такой уж безоблачной, утверждает А.В. Гладышев, что видно было даже по гимназическому учебнику (если уж вести речь о формировании коллективной памяти) Р.Ю. Виппера, И.П. Реверсова, А.С. Трачевского, заслужившего популярность «увлекательностью чтения». Здесь гимназист нашел бы и «парижскую чернь» (а не только «санкюлотов» или «народные массы»), и «грабежи», «истребление и воров, и детей» и т.д.»³

¹ А.В.Чудинов Французская революция: история и мифы. М.,2007г. стр. 10

² Там же: стр.18

³ А.В.Гладышев Размышления над книгой А.В.Чудинова. – Вопросы истории. М.,2007г. №10 стр. 51

В очерке о Н.М.Лукине автор рассматривает «механизм

формирования советской интерпретации Французской революции». А.В.Чудинов решительно протестует против схематизации истории, вульгарного социологизирования, гипертрофированного классового подхода. Автор демонстрирует читателям, как научно-популярные сочинения Н.М.Лукина, написанные в пропагандистских целях, приобрели со временем статус научно-исследовательских. По-видимому А.В.Чудинов — первый, кто в этом статусе печально усомнился. Дело не в том, что автор не принимает метод Н.М.Лукина как таковой, — метод «априорно заданных схем», его «методологию примеров», — а в том, что подобный метод приводит к искажениям. Фактически речь идет в последовательном опровержении концептуальной основы советской интерпретации Французской революции.¹

Еще один историографический миф или, как его обозначает автор, «фантом»: «феодално-абсолютистский» строй во Франции накануне Революции. Здесь речь идет уже о втором поколении советских историков Французской революции. А.В.Чудинов называет вещи своими именами: несмотря на все разногласия, «дискуссии» между «московскими» и «питерскими» школами историографии Французской революции, концептуальная основа у них, естественно, одна-советская. Несущей конструкцией в советской историографии была социологическая схема: «буржуазная революция» разрушила «феодално-абсолютистский строй». Вопрос, который ставит перед собой автор, достаточно претенциозен: «В какой степени эта теоретическая конструкция соответствует историческим реалиям Франции конца XVIII в. и объясняет происходившие там события?»²

Вообще подобная оговорка для автора не характерна, считает

¹ А.В.Чудинов Французская революция: история и мифы. М.,2007г. стр.

российский историк Гладышев А.В., размышляя над работой А.В.Чудинова, «весь тон книги говорит о том, что «исторические реалии» — вещь мало реальная. Более осторожно можно было бы сформулировать вопрос так: насколько эта теоретическая конструкция соответствует результатам последних исследований в данной области? Кстати говоря, автор делает вывод уже совсем в иных выражениях: «таким образом, как показывают результаты специальных исторических исследований...».¹ Но дело здесь не в позитивистских привычках, въевшихся в наше подсознание со школьной скамьи, а в том, что автор заставляет читателя, мало-мальски знакомого с историей или даже многие годы ее преподававшего, замахнуться на то самое школьно-вузовское и потому, казалось бы, очевидное, само собой разумеющееся, почти сакральное, на «феодально-абсолютистский строй». Оказывается, это понятие, которое нам казалось фрагментом действительности, изобретение чисто советское.

А.В.Чудинов последовательно рассматривает, какой «феодализм» был во Франции накануне революции и, что в ней еще оставалось «абсолютистского». Современные исследователи, уже признали, что «феодализма» накануне революции (если не вообще) не было. С абсолютизмом дело еще сложнее. Для таких «патриархов» российской историографии как Н.И. Кареев и Е.В. Тарле, отмечает А.В.Чудинов, «характерна экстраполяция французского исторического опыта на русскую действительность». Советская историография восприняла «абсолютизм» как данность: предстояло лишь уточнить его «классовую природу».²

¹ А.В.Гладышев Размышления над книгой А.В.Чудинова. – Вопросы истории. М.,2007г. №10 стр. 54

²А.В.Чудинов «Королевское самодержавие» во Франции: история одного мифа. - Французский ежегодник 2005. М., 2006г. стр. 76

«абсолютный» характер власти своего монарха, не говорили о неограниченной власти, о произвольном ее использовании и т.д. Как оказалось на поверку, абсолютизм не был абсолютным: ограничения существовали (не только в теории, но и на практике) — и морального, и религиозного, и институционального порядка. А.В.Чудинов вынужден разочаровать желающих блеснуть своим знанием истории перед подчиненными: «Как говорил Людовик XIV, «государство — это я!». Оказывается и это миф, точнее — апокриф.¹

А.В.Чудинов не только констатирует «долговечность историографического фантома», но и пытается ее объяснить. И объяснения, на его взгляд, надо искать не в научной, а в идеологической плоскости. Но речь здесь идет о гораздо более интересном и важном феномене — о том, как мифологизированный образ того или иного пережитого события становится частью коллективного воображаемого и, какую функцию он здесь выполняет. «Любая революция требует самооправдания, потому-то именно революционеры стали основоположниками мифов о себе. И в этом отношении создатель «наполеоновской легенды» лишь достойное дитя своего времени. В нашем же случае получилось так, что публицисты времен революции расставили оценки, а либералы эпохи Реставрации их транслировали в

историографию».²

Вывод А.В.Чудинова: «История мифа о "королевском самодержавии" может рассматриваться как весьма показательный и достойный хрестоматии пример деформирующего влияния идеологии на научные исследования».³

Автор последовательно рассматривает и вторую часть ключевой

¹ **А.В.Чудинов Французская революция: история и мифы. М.,2007г. стр. 87**

²Там же: стр. 99

³А.В.Чудинов «Королевское самодержавие» во Франции: история одного мифа. - Французский

ежегодник 2005. М., 2006г. стр. 95

формулы советской интерпретации французских событий — «буржуазный» характер революции. А.В.Чудинов отслеживает, кто первый указал на «буржуазию» (из современников, из историков), кто и как затем интерпретировал этот термин. В качестве первых историков предложивших «буржуазную» трактовку характера революции А.В.Чудинов называет Ф. Минье и А. Тьера, которые смотрели на революцию как на борьбу общественных «классов». Понятие «класс» в годы Реставрации вторгается в область истории сначала в чисто полемической практике, а затем и на теоретическом уровне.¹

Один из источников концепта «борьба классов» по мнению автора книги, кроется в реактивации в то время теорий XVIII века об истоках дворянства, наложенных на политические конфликты эпохи Реставрации. Иными словами в годы Реставрации происходит возврат к исторической полемике XVIII века. Хотя «возврат» в данном случае — понятие весьма условное: эти исторические теории полностью никогда и

не забывались, прямо или косвенно их ментальные следы присутствовали и в текстах периода революции.²

К каким бы лагерям не принадлежали публицисты эпохи Реставрации, по мнению автора, питали ли они ностальгию по Старому порядку, как Монлозье, или же были защитниками духа революции, как Гизо и Тьерри, все они использовали одинаковую схему XVIII века — схему нации, разделенной на две нации, то есть, по выражению Тьерри, теорию «национальной дуальности». Именно здесь мы находим первые примеры совместной встречаемости в текстах «классов» и «борьбы», именно здесь мы встречаем «буржуазный» характер революции. Но при этом надо помнить, что эта теория была в годы Реставрации ничем иным как политическим оружием историков, ярким примером

¹А.В.Чудинов Французская революция: история и мифы. М.,2007г. стр. 107

²Д.Ю.Бовыкин О современной российской историографии французской революции XVIII века.-

Новая и новейшая история. М.,2007г. стр. 69

неразрывной связи истории и политики. Возможно, что особая живучесть мифа о «буржуазном» характере революции определяется тем, что этот постулат разделялся одновременно и «класическими», и «ревизионистическими» течениями.¹

Классовый подход к революции был подвергнут ревизии именно через понятие «буржуазия». А. Коббен указал на различие между тем смыслом, каким наделяли термин «буржуазия» французы XVIII столетия, и тем смыслом, которым наделяли его советские учёные XIX и XX веков. Те, кого советские историки привычно называли «классом буржуазии», представляли собой весьма разно-шерстный конгломерат

людей с различными экономическими интересами, политическим влиянием, социальной психологией и т.д. А.Коббен фактически указал на существование различных «буржуазии», его поддержали французы П. Губер, Д. Рош, Ж.Л. Иссартель и др. Историки поделились на «классиков» и «ревизионистов». Итак, заключает А.В.Чудинов: «казавшееся некогда простым и самоочевидным понятие утрачивает в свете новейших исследований прежний смысл и определенность, распадаясь фактически на несколько других, одинаково именуемых, но почти не связанных между собой».²

Но, кто же все-таки «буржуазия»? Чудинов А.В. пытается ответить на этот поставленный вопрос следующим образом: «Еще А.Коббен указал, что это оффисье и лица свободных профессий, которые возглавили движение против монархии, а последующие исследования подтвердили: так называемая «предпринимательская буржуазия», «сознательно действующим субъектом последней она явно не была». Почти те же цифры получила и Лёмэй: 50% депутатов от третьего сословия — оффисье и еще 26% — лица свободных профессий.

¹ А.В.Чудинов «Королевское самодержавие» во Франции: история одного мифа. - Французский

ежегодник. 2005. М., 2006г. стр. 83

² А.В.Чудинов Французская революция: история и мифы. М.,2007г. стр. 114

А.В.Чудинов испробовал разные критерии в их совокупности, чтобы доказать или опровергнуть тезис о руководящей роли в революции «капиталистической буржуазии», но результат неизменно оказывался один и тот же: среди активных ораторов Учредительного собрания предпринимателей было «крайне мало», не приходится

говорить и о единстве их политической позиции. «Капиталистические элементы не только составляли явное меньшинство среди депутатов Учредительного собрания, но и меньшинство к тому же политически расколотое».¹ Лишь половину депутатов-предпринимателей можно отнести к сторонникам революции. Конечно, можно умозрительно предположить, что, допустим, оффисье просто мечтали пополнить ряды предпринимателей и оттого объективно выражали интересы этой группы. Но тогда российские историки должны признать, что общность интересов была только вне самой группы, которая не демонстрирует группового поведения: проявляет себя пассивно и действует несогласованно.²

А.В.Чудинов предлагает скорректировать и положение, что революция дала мощный импульс развитию капитализма, он ставит вопрос так: происходило ли развитие французского капитализма «благодаря революции» или же «несмотря на нее».

Во второй части монографии А.В.Чудинова, следуя авторской терминологии, речь заходит уже не столько о «мифах», сколько о «легендах». Советская историография Французской революции (как довоенная, так и второй половины XX века) одинаково нетерпимо относились к любым иным интерпретациям революции: и к консервативному, и к «ревизионистскому» направлениям.

¹ А.В.Чудинов Французская революция: история и мифы. М.,2007г. стр. 116-118

² Д.Ю.Бовыкин О современной российской историографии французской революции XVIII века. –

Новая и новейшая история. М.,2007г. стр. 70

³Там же: стр. 70

А.В.Чудинов предлагает на суд современного читателя свой полемический текст 16-летней давности, призывающий, по меньшей мере, хотя бы к «новому отношению» к консервативной историографии. Тогда, в 1988г. был поставлен вопрос о том, чтобы не просто «осуждать», но и «изучать» альтернативные точки зрения на революцию. «Круглый стол» 1988г. — сам по себе уже почти легенда, но в данном случае автор, называя вторую часть своей монографии «Черные легенды историографии», имеет в виду, естественно, другое.

Насколько полезен синтез достижений различных историографических направлений и, в частности, использование «консервативной крови», автор монографии показывает на примере исследования двух таких идеологически острых проблем революционной истории как роль в революции масонов и янсенистов. На первый взгляд, масонство изучено достаточно полно и хорошо. ¹

Но, как это часто бывает и в других областях исторического знания, где писательская тематическая мода да читательский спрос вовлекают в свой круговорот все новых и новых восторженных, среди этой массы глянцевого обложки с непременными Всевидящим оком, циркулем и мастерком, далеко не все работы соответствуют даже самому аморфно-размытому представлению о «научности». Издательский ажиотаж лишь создает иллюзию, что с изучением масонства все в порядке. ²

В действительности писанием книг о масонстве по утверждениям А.В.Гладышева занимаются по большей части сами масоны. Наверное, было бы уместно оговориться, что мифологизация масонами собственной истории — сюжет вполне достойный отдельного исследовательского внимания. Немасонская (хотя, порой, их не так

- ¹ А.В.Чудинов Французская революция: история и мифы. М.,2007г. стр. 120
- ² А.В.Гладышев Размышления над книгой А.В.Чудинова. – Вопросы истории. М.,2007г. №10 стр. 63
-

легко и отличить) историография масонства не столь уж и значительна. Долгое время масонство оставалось на обочине исследовательского интереса историков. И хотя в последнее время все чаще стали появляться серьезные исследовательские работы по истории социальности, элит века Просвещения и т.д. и т.п., где масонству отведены две главы.

Главный недостаток «классической» интерпретации темы «Масоны и Революция», по мнению автора — «методологическая ограниченность», «однолинейность», сведение многогранной проблемы к дилемме: был ли «заговор» или нет. Но 1990-е гг. привнесли и сюда новые веяния: представители «классической» школы историографии все еще для порядка борются на два фронта, критикуя и консерваторов, и «ревизионистов», а сами уже используют предложенные оппонентами социологические, антропологические, квантитативные методы. Автор заключает: сегодня в историографии «наметились перспективы достижения консенсуса» (в конечном итоге едва ли достижимого) и выражает надежду, что постепенное идеологическое «охлаждение» темы и использование все более разнообразного методологического инструментария откроют новые горизонты.¹

Двигаясь от истории конкретных лож к истории «систем», мы рано или поздно выйдем на уровень генерализации не легенд и мифов, а результатов исследовательской деятельности. И только после этого снова вернемся к новым интерпретациям. Без этого, как представляется А.В.

Чудинову, споры об уже набившей у профессиональных историков оскомину теории «заговора» бессмысленны, а многочисленные исследования, якобы, «популяризирующие» историю этой тайной организации, являются лишь переливанием воды из пустого в прежнее, и повторением на разные лады уже давно известного.

¹ А.В.Чудинов Французская революция: история и мифы. М.,2007г. стр. 176

Третья часть монографии А.В. Чудинова посвящена «людям-символам». Все та же троичная структура, что и во второй части, а, по сути, и в первой (в третьей и четвертых главах первой части рассматривается одна и та же методологическая формула): Шарлота Корде, Жорж Кутон и Павел Строганов. Автор справедливо указывает, что подобная «известность» в практике историографии ведет лишь к схематизации и стереотипизации личности. Согласен, как, наверное, согласится со мной и автор, что не лишним было бы сдуть пыль и с других портретов известных революционеров, и выбор в нашем случае персонажей определяется не столько их особым «символизмом», сколько авторской практикой историописания.¹

«Вместо заключения» А.В. Чудинов предлагает читателю свою версию событий — краткий очерк истории Французской революции. Подводя итоги, он пишет: «Однако все, что сегодня является современным, когда-нибудь устареет: будут введены в научный оборот новые источники и придуманы новые методы анализа уже известных, новые результаты конкретных исследований дадут основание для новых обобщающих интерпретаций, а потому охотно допускаю, что изложенный мною ... взгляд на тему своего рода моментальный снимок из проходящего поезда времени — когда-нибудь тоже может быть

¹ **А.В.Чудинов Французская революция: история и мифы. М.,2007г. стр. 238**

²**Там же: стр. 308**

Введение

За годы независимости проведена и проводится широкомасштабная работа в сфере истории. История, нынешнее и будущее поколение никогда не забудут, сколько миллионов людей в течении всего исторического развития общества боролись за свободу, равноправие, справедливость и независимость. Особенность работы историков заключается в том, чтобы вернуть историческую правду, утвердить объективный подход к освещению событий прошлого. Как не раз повторял наш Президент Республики Узбекистан И.Каримов, без исторической памяти нет будущего: « Не возродив историческую справедливость, невозможно построить справедливое общество»¹ В этом смысле задача, которую ставит глава государства И.Каримов перед учеными, представителями науки, требует от каждого более широкого и ответственного подхода к этому вопросу.

Уважение, почитание памяти нынешним поколением великих предков, сражавшихся за свободу, справедливость и процветание общества, является обязанностью, человеческим долгом каждого из нас. Символом борьбы таких ценностей является в истории человека Французская революция 1789 года.

Французская революция конца XVIII века принадлежит к числу наиболее крупных событий не только в истории Франции, но и во всемирной истории. В бывшем Союзе эту революцию называли Великой, которая завершилась установлением новых буржуазно-демократических отношений во Франции, положив тем самым начало перехода от феодализма к капитализму, почти во всей Европе.

История Французской революции XVIII века давно уже привлекало и продолжает привлекать внимание российских исследователей. Хорошо известно, что существовавшая в прошлом унификация трактовок

¹И.Каримов. За процветание Родины – каждый из нас в ответе. Т.,2001.Соб. соч.Т.9. стр. 334

Французской революции была связана не только с идеологизированностью исторической науки, но и тем, что данная тема неизменно оставалась в России актуальной.

После распада Советского Союза в 1991 году в российской историографии Французской революции XVIII века в полной мере проявляется характерные черты: на смену жесткой идеологизированной историографии пришел плюрализм взглядов и мнений. Основным фактором, определяющим его особенности, стали экономические, политические и идеологические изменения, произошедшие в конце XX века в России. Именно в этот период, то есть в период отторжения от советских ценностей в историографии не редко именуется в исторической литературе « сменой вех». Вся история Французской революции была пересмотрена и реинтерпретирована в соответствии с новыми системами ценностей.

Целью моей диссертационной работы является уделить особое внимание последним научным достижениям, работам, концепциям российских историков, посвятивших свои исследования истории Французской революции XVIII века. Внимательно рассмотреть не только новые мышления

и парадигмы последних лет, но и попытаться сопоставить их с отжившей себя советской историографией. Выявить те вопросы и проблемы, которые остро выдвигаются на обсуждения, споры, дискуссии среди ученых и историков, являющиеся наиболее актуальными и нерешенными в современной историографии.

Именно стремление современных российских историков к обновлению историографии Французской революции, критика советского прошлого явилось необходимостью в новом осмыслении целого ряда проблем в поисках новых подходов, модернизации проблематики, пересмотр некоторых схем истории Французской революции. Споры, дискуссии, которые еще далеки от завершения, демонстрируют, что современная историография находится еще в стадии становления. Российские историки в настоящее время пока не предложили взамен столь же цельную и всеобъемлющую интерпретацию революционных событий конца XVIII века во Франции.

В настоящее время, наряду с поступательными движениями современных исторических исследований в России, продолжают сохраняться и советская концепция истории Французской революции, в которой отражаются накопленные положительные исторические знания, но одновременно и растущее понимание реальных исторических проблем современной историографии. Поэтому, данная работа считается актуальной темой не только в России, но и в других государствах СНГ.

Новизна моей научной работы заключается в том, что настоящая работа – эта первая попытка научного обобщения историографии Французской революции Новейшего Времени в России, раскрывающая историю формирования этой науки, ее дальнейшее развитие в период научного кризиса в историографии, последствия и изменения методов исследования российскими историками истории Французской революции. Предлагаемая мною работа является первым опытом систематического изложения нового

понимания российской историографии, в центре внимания которого объективно находятся происходившие в Новейшее время существенные процессы изучения и исследования истории Французской революции. Стремление выявить отличительные особенности методов исследования между различными направлениями: «русской школы», советской и современной историографии. С этих позиций, моя научная работа изучает теоретические идеи и методологические принципы исторического познания, присущие каждому направлению, то есть каждой российской историографии, в определенный исторический период. Мною рассматривается не только прогресс методики исторических исследований истории Французской революции, но и делается анализ их исторической базы, освещаются совершенствование организационных форм исторических исследований. В период работы мною были изучены те научные труды, которые спустя несколько десятилетий, несмотря на смену идеологий, систем ценностей не потеряли свою значимость, и по сей день являются уникальными работами, заслуживающий отдельного внимания.

Важнейшая задача данной диссертации является выяснить научно-исследовательскую основу современной российской историографии Французской революции XVIII века, определить ее основные тенденции и направления, равно как само содержание и тематику исторических исследований современного периода.

К основным задачам изучения современной российской историографии относятся:

1. Изучение теоретических и методологических принципов исторического познания, присущих каждой современной исторической школе;
2. Прослеживание проблематики исторических исследований, изучение и объяснение того, какие проблемы ставятся в историографии истории Французской революции и почему растет интерес современных историков

всего мира к данной проблеме.

3. Изучение методики исторического исследования, совокупности приемов, анализа, истолкования и использования источников историками в различных направлениях и выявления связи между методологией и методикой исторического исследования.

Данная диссертация состоит из Введения, двух глав, Заключения и списка использованных литератур.

Первая глава моей диссертационной работы « **Истоки изучения Французской революции XVIII века в России**», раскрывает теоретические вопросы научно-исследовательской работы, даются информации и краткие изложения по выбранному объекту.

Она состоит из трех параграфов:

1. Из истории изучения Великой Французской революции XVIII века в России.
2. Юбилейные издания к 200-летию Французской революции XVIII века: дискуссии и споры советских историков.
3. «Смена вех» в постсоветской историографии Французской революции XVIII века.

Первый параграф «Из истории изучения Великой Французской революции XVIII века» раскрывает историю формирования советской историографии. Эта обязывает меня коснуться в той или иной мере исторические концепции различных российских историков из «русской школы», заложившую основу дальнейшему развитию исторической науки в России. Завершается этот параграф историографией постсоветского периода.

Второй параграф «Юбилейные издания 200-летию Французской революции XVIII века: дискуссии и споры советских историков» отражает анализ научных работ, изданные в 1989 году,¹ где обнаруживаются значимые новые явления. Они стали предметом пристального интереса советских

ученых и вызвали отклик с их стороны. Это время, год 200-летнего юбилея Французской революции XVIII века, характеризуется «реинтерпретаторской моделью» Французской революции спорам и дискуссиям об ее историческом содержании. Одним из таких крупных научных работ этого периода является издание «Великая Французская революция и Россия», под редакцией крупного советского исследователя революционных событий А.В. Адо. Эта книга о международном значении Французской революции, о ее влияние на политическую, экономическую и культурную жизнь России конца XVIII века и начало XIX веков, о том, какое отражение нашли события этой революции в общественной мысли России в русской и советской исторической науки. Третий параграф «Смена вех» в постсоветской историографии» раскрывает исторические мысли современных российских историков об изменении парадигмы в изучении Французской революции XVIII века. Пожалуй,

¹. Под ред.: А.В Адо. Великая Французская революция и Россия. М.,1989 г.

В.Г. Ревуненков Очерки по истории Великой Французской революции. М.,1989 г.

Э.Е.Гусейнов и др. Буржуазия и Великая Французская революция. М.,1989 г.

единственными, кто дал объяснения причин историографического поворота стали историки А.В.Чудинов и В.П.Смирнов.¹Этот период стремительного крушения советской интерпретации идеологически значимых и приоритетных отраслей исторической науки. Поэтому российские историки именуют это время « сменой вех».

Вторая глава диссертации **«Российская историография Французской революции XVIII века в 90-е годы XX века и в начале XXI века»** состоит из трех параграфов:

1. Новые парадигмы и исследования Французской революции XVIII века.

2. На руинах памяти: о новейших российских изданиях по истории Французской революции XVIII века.

3. Французская революция во взглядах А.В.Чудинова.

Первый параграф «Новые парадигмы и исследования Французской революции XVIII века» характеризуется плюрализмом взглядов и мнений по поводу истории Французской революции с проявлением ярко выраженных черт «критического направления».² Стремление историков к терминологической определенности, дискуссии о корректности и смысле таких ключевых понятий, как «феодализм», «абсолютизм», «буржуазия». Именно этим острым проблемам и вопросам посвящен данный параграф.

Второй параграф «На руинах памяти: о новейших российских изданиях по истории Французской революции XVIII века» анализирует работы современных российских историков последних лет, которые сами по себе служат убедительным опровержением многих из тех стереотипных

¹. А.В. Чудинов Смена вех: 200-летие революции и российская историография.- Французский ежегодник

2000. М.,2001г. Он же: 200-лет Французской революции 1789-1799гг.: Итоги юбилея.- Французский ежегодник 2000. М.,2001г. В.П.Смирнов Две жизни одного издания. – Новая и новейшая история. М., 2002г. № 3.

². Материалы « круглого стола». См.: Новая и новейшая история. М., 1996г. №5.

См.: «Круглый стол». Французская революция XVIII века и Буржуазия.- Новая и новейшая история. М.,

характеристик советской историографии, которые бытовали в бывшем Союзе.¹

Третий параграф «Французская революция: во взглядах А.В.Чудинова» посвящен проблемам разрушения историографических мифов Французской революции российским историком.² Даются итоги исследовательских результатов по изучению истории Французской революции.

Данная проблема была изучена и изучается в настоящее время со стороны ученых всего мира, вместе с тем они стали обширным материалом для написания моей диссертации, посвященной изучению истории Французской революции. Мною были подробно изучены, принята попытка осмыслить и проанализировать источники, которые стали основой для моей магистерской диссертации.

¹ А.В.Гордон Власть и революция: советская историография Великой Французской революции 1918-1941

гг. Саратов, 2005г. Д.Ю.Бовыкин Революция окончена? Итоги термидора. М., 2005г. Е.М.Мягкова.

Необъяснимая Вандея: сельский мир на Западе Франции в XVII-XVIII вв. М., 2006г.

² А.В.Чудинов. Французская революция: история и мифы. М., 2007г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История формирования Российской историографии Французской революции XVIII века уходит глубоко своими историческими корнями к знаменитой «русской школе», по изучению истории Французской революции, которая получила международное признание. Впервые в мировой науке: Н.И.Кареев и И.В.Лучицкий на основе тщательного изучения материалов Французских архивов, приступили к углубленному анализу аграрного вопроса накануне и во время революции. Нельзя не упомянуть также труды крупнейшего историка академика, представителя этой школы Е.В.Тарле, исследовавшего роль деревенской промышленности и рабочих во время Французской революции, а также опубликовавшего фундаментальный труд о континентальной блокаде. Их замечательные труды оказали существенное влияние на всю последующую историографию.

Отказ от советской трактовки Французской революции отнюдь не

означает отказа от использования работ советских историков или их неприятия: специалисты новых поколений опираются на труды своих предшественников, вновь и вновь возвращаются к ним. Вне зависимости от содержащихся в этих трудах концептуальных и основных моментов многие из них являются уникальными не только в России, но и в мировой историографии Французской революции. Здесь следует упомянуть работы В.М.Далина, В.П.Волгина, И.Н.Лукина, К.П.Добролюбского, А.З.Манфреда, уникальными для России остаются и обобщающие работы советских историков. Почти выродился и существующий на высоком уровне жанр научно-популярной литературы. Не случайно читатели по-прежнему отдают должное большому литературному таланту, с которым написаны книги А.З.Манфреда «Наполеон Бонапарт» и «Три портрета эпохи Великой Французской революции». Какой бы не было их сегодняшняя оценка, современная российская историография не предложила ни одного, равного им по масштабу общего труда по истории Революции.

Но, однако, следует отметить, о том, что в советское время идеологические клише, а то и прямые цензурные запреты препятствовали историческим исследованиям. За последнее время в России произошел огромный идеологический переворот. Многие понятия утратили прежнее положительное значение и приобрели отрицательное определение, другие понятия напротив, получили положительный смысл. Если советские историки отдавали предпочтение «якобинцам», то современные российские историки отдают предпочтение умеренным революционерам, а иногда и контрреволюционерам. Господствовавшая ранее идеология сменилась либеральной идеологией, именно она сейчас господствует в умах и определяет идеологические оценки.

В Российской историографии содержится несколько парадигм, постулатов истории Французской революции. В этом отношении, Российская

историография становится неотличимой от Западной – «единое толкование проблемы», едва ли возможно, поскольку отсутствует единая теория, способная объяснить и весь ход исторического развития в целом и Французскую революцию как его составную часть. Разные авторы трактуют Революцию и отделяющие ее события совершенно по-разному, предлагая свое восприятие проблем, критикуя классические подходы или соглашаясь с ними, а то и вовсе занимаясь разработкой отдельных сюжетов и, очевидно полагая, что стадии глобального истолкования накопленного материала должна предшествовать стадии его наработки и анализа. Вместе с тем отсутствие единообразия отнюдь не подразумевает отсутствие авторской позиции.

В современной Российской историографии, как нам видится, содержится несколько возможных ответов на вопросы: Почему же произошла революция огромных масштабов, почему одним из ее главных лозунгов была ликвидация «феодалного порядка»? Ответов на подобные вопросы можно было бы ожидать, прежде всего, от обобщающих работ, однако нынешняя Российская историография Французской революции, по сути, еще не вышла на уровень обобщений и, напротив, изобилует сугубо конкретными исследованиями, не затрагивающими ни причин Революции, ни ее итогов. Если же взять издания, посвященные истории революции или истории Франции Нового времени в целом, то мы увидим, что каждый автор решает эти проблемы в зависимости от своей системы взглядов.

Подводя итоги – безусловно, промежуточные, - можно наметить основные черты той «смены вех», которая происходит в последние годы в изучении Революции. Пожалуй, главное – это не смена тематики или методологии, а свобода тематического и методологического выбора. Избирает ли историк для себя цивилизационный (А.В.Гордон) или другой подход (В.Г.Ревуненков), либо заявляет в качестве методологической основы своей

работы « новую интеллектуальную историю», родившуюся на стыке «феноменологии, герменевтика, психоанализа, семиотики, литературной критики», это его право. Аналогичным образом обстоит дело и с тематикой исследований. Сегодня на выбор сюжета влияют разве что личные предпочтения исследователя.

Утрата сюжетного, терминологического, методологического и отчасти оценочного единства привела к тому, что историки Французской революции максимально разобщены. Хотя время нарочито эпатирующих оценок революции, и ее деятелей, которыми была переполнена публицистика рубежа 1980-1990 годов, и миновало, единой и цельной Французской революции не сложилось. Обобщающие статьи только начинают появляться, а монографии или научно-популярные книги, в основу которых были бы положены современные концепции Революции, практически отсутствуют.

Одним из результатов освобождения от догм, выхода Российской историографии из научной изоляции стало то, что многие устоявшиеся термины и оценки подвергаются сомнению. Однако новый терминологический и методологический аппарат только рождается, и рождается в спорах. При этом особенно остро – что, впрочем, не удивительно – воспринимаются именно методологические вопросы. И дело здесь не только в общемировой активизации интереса к терминологии, не только в процессах, в целом характерных для «лингвистического поворота». Как и во всем мире на протяжении последних 200 лет, споры о терминологии и об общей оценке событий конца XVIII века выходят за рамки собственно научных споров.

Размышляя о Французской революции, российские историки осознанно или неосознанно приносят в дебаты свое отношение ко многим другим сюжетам: к Революции как феномену, к советской власти и тем переменам, которые произошли в жизни Российского государства, в последние десятилетия XX века, к богатству и бедности, либерализму и демократии.

Именно поэтому так сложно бывает российским историкам договориться о терминах: каждый из них имеет столь многочисленные коннотации, что проблема формирования понятийного аппарата и методологического выбора сразу становится весьма принципиальной. Отсюда – стремление перенести обсуждение в публичную плоскость, о чем свидетельствуют и упомянутые в работе дискуссии.

Попытки определиться с терминологией часто оказываются тесно связанные с определением позиции по отношению к историографии советского периода. Не случайно за последние годы исследователями различных поколений был опубликован целый ряд статей, посвященных франковедам и историографическим баталиям прошлого. Однако и сама историография является сюжетом дискуссионным: некоторые историки отмечают, ее исключительный «якобиноцентризм».

Существующая переходная ситуация в определенной степени отражает и состояние современного российского общества. Изменение отношения к Революции, и ее лидерам, разумеется, произошло не случайно, но этот процесс не так прост, как кажется на первый взгляд. На одних оказало влияние сама эпоха перемен, на других – возможность ознакомиться с недоступными ранее исследованиями или документами, касающиеся Французской революции, третьи смогли наконец поделиться размышлениями, которые вызревали у них давно. Вместе с тем представляется не до конца верным восприятие, происходящих в обществе идейных перемен как явно видимого и линейного процесса: прихода консервативно-либеральной идеологии на смену советской. Скорее, имеет место гораздо более сложное явление, на которое влияют не только и не столько идеология, сколько трансформации коллективной памяти, выдвижение и свержение новых идолов, подчас многократные восприятия в массовом сознании тех или иных политических деятелей. Едва ли не наиболее важный фактор здесь – личный

опыт историка. Сквозь призму этого личного опыта он рассматривает прошлое.

Ныне, в настоящее время в России из-за отсутствия современных обобщающих работ по истории Французской революции учебники, в которых (полностью или частично) не воспроизводились бы традиционные советские концепции, можно пересчитать по пальцам. Это прослеживается по опубликованным и размещенным в Интернете работам по Новой истории стран Европы и Америки. Они по-прежнему наполнены старыми штампами, не позволяющими говорить о каком-либо новом прочтении истории Французской революции. Здесь - и формационный подход, и «кризис феодально-абсолютистского государства при Людовике XVI, и «восходящий этап» или «нисходящая линия» Французской революции, с которыми неминуемо связана «термидорианская реакция».

Современная Российская историография накопила большой фактический материал, выработала плодотворный прием научного исследования, образовала центры развития исторической мысли, намного расширила и пустила в оборот широкий и разносторонний круг источников.

Подводя итоги, вспоминаются изречения известного российского историка современности А.В.Чудинова, о событиях в историографии: «Однако все, что сегодня является современным, когда-нибудь устареет: будут введены в научный оборот новые источники и придуманы новые методы анализа уже известных, новые результаты конкретных исследований дадут основание для новых обобщающих интерпретаций, и потому охотно допускаю, что изложенный мною... взгляд на тему своего рода моментальный снимок из проходящего поезда времени – когда -нибудь тоже может быть признан историографическим мифом.....»¹

¹ А.В.Чудинов Французская революция: история и мифы. М.,2007г. стр. 308

Список использованных литератур:

1. Каримов И. За процветание Родины- каждый из нас в ответе. Т. 2001г. Соб. Соч. т.-9
2. Адо А.В. Великая Французская революция и ее современные критики. М., 1986г.
3. Адо А.В. Французская революция в советской историографии.- Исторические этюды о Французской революции. М., 1998г.
4. Актуальные проблемы изучения истории Великой Французской революции.(Материалы «круглого стола» 19-20 сентября 1988г) М., 1989г.
5. Афанасьев Ю.Н. Историзм против эклектики. М., 1980г.
6. Бовыкин Д.Ю. Год 1795: несостоявшаяся реставрация.- Французский ежегодник 2002. М.,2003г.
7. Бовыкин Д.Ю. Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005г.
8. Бовыкин Д.Ю. О современной российской историографии Французской революции XVIII века. - Новая и новейшая история. М., 2007г. №1
9. Блуменау С.Ф. От социально-экономической истории к проблематике массового сознания: Французская историография революции конца XVIII века (1945-1993гг.) Брянск. 1995г.
10. Великая Французская революция и Россия. Под ред. А.В. Адо М.,

1989г.

11. Великая Французская революция: документы и исследования. Под ред. А.В.Адо М., 1988г.
12. Гладышев А.В. Размышления над книгой А.В.Чудинова. - Вопросы истории. М., 2007г. №10
13. Гордон А.В. Власть и революция: советская историография Великой Французской революции 1918-1941гг. Саратов, 2005г.
14. Гусейнов Э.Е. и др. Буржуазия и Великая Французская революция. М., 1989г.
15. Далин В.М. Историки Франции XIX-XX веков. М., 1981г.
16. Киясов С.Е. Масоны и век Просвещения: становление интеллектуального феномена. Саратов, 2006г.
17. Кожокин Е.М. Государство и народ: От Фронды до Великой Французской революции. М., 1989г.
18. «Круглый стол». Французская революция XVIII века и Буржуазия.- Новая и новейшая история. М., 2002г. №1
19. Летчфорд С.Е. Вандейская война 1793-1796гг. Некоторые теоретические проблемы. Саратов, 1998г.
20. Летчфорд С.Е. В.Г.Рувененков против «московской школы» дискуссия о якобинской диктатуре.- Французский ежегодник 2002. М., 2003г.
21. Материалы «круглого стола».- Новая и новейшая история. М., 1996г. №5
22. Мягкова Е.М. Необъяснимая Вандея: сельский мир на западе Франции в XVII-XVIII веках. М., 2006г.
23. Манфред А.З. Великая Французская революция. М., 1950г.
24. О начале изучения Великой Французской революции в Университетах России.- История, язык, литература. Вып. №2,

Л., 1984г. №8

25. Пименова Л.А. **Дворянство накануне Великой Французской революции.** М., 1986г.
26. Пименова Л.А. **Социально- политическая позиция дворянства Накануне Великой Французской революции.- Новая и новейшая история.** М., 1984г. №1
27. Погосян В.А. **Переворот 18 фрюктидора V года во Франции.** Ереван, 2004г.
28. Ревуненков В Г. **Очерки по истории Великой Французской революции.** 2-е изд. доп. Л., 1989г.
29. Смирнов В.П. **Две жизни одного издания.- Новая и новейшая история.** М.,2002г. №3
30. Смирнова Е.В. **Сен-Жюст: прогматизм против утопии.** М., 2003г.
31. Чудинов А.В. **«Смена вех»: 200-летие Революции и Российская историография.- Французский ежегодник 2000.** М., 2001г.
32. Чудинов А.В. **200-лет Французской революции 1789-1799гг.: Итоги юбилея.- Французский ежегодник 2000.** М., 2001г.
33. Чудинов А.В. **«Королевское самодержавие» во Франции: история одного мифа.- Французский ежегодник 2005.** М., 2006г.
34. Чудинов А.В. **Французская революция: история и мифы.** М., 2007г.
35. www.dissercat.com
36. . www.twirpx.com